

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

СИЛА
ПРИСУТСТВИЯ

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Сила присутствия

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Сила присутствия / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

Авторитет Российской Федерации в исламском мире год от года растет. Для усиления влияния в Пакистане российские инженеры приступают к проектированию и строительству крупнейшей в стране гидроэлектростанции. Правительство США обеспокоено сложившейся ситуацией. Главе ЦРУ приказано свести на нет активность русских в Южной Азии. Американские силовики организуют теракт в отеле, в котором проходят переговоры российской и пакистанской сторон. Десятки человек погибают, выжившие делегаты взяты в заложники. Из Москвы в Исламабад срочно вылетает спецгруппа полковника Куракина. Бойцам приказано освободить пленников и уничтожить террористов...

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Александр Афанасьев

Сила присутствия

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Автор предупреждает: все события и персонажи в книге являются вымышленными, возможные совпадения – не намеренными. Если названия организаций и имена частных лиц и совпадут с реально существующими, то это не более чем случайность. В частности, банк «Аль-Барака» существует, но у автора нет никаких сведений, свидетельствующих о связях этого учреждения с ЦРУ или какими-то террористическими организациями.

* * *

Национальный консорциум изучения терроризма и антитеррористической политики, более известный по аббревиатуре START, который собирает информацию с 1970 года, опубликовал статистику за 2012 и предыдущие годы. В 2012 году было совершено 8500 террористических актов, убито 15 500 человек. Это на 69 % больше атак и на 89 % больше убитых, если сравнивать с 2011 годом. Шесть из семи самых крупных атак эксперты связывают с Аль-Каидой, а большинство террористических актов совершено в странах с преобладающим мусульманским населением. В 58 % случаев были использованы взрывчатые вещества. Террористические акты в 2012 году затронули 85 стран. Более половины всех террористических актов приходится на три страны: Ирак, Пакистан и Афганистан. Всего за 2012 год от террора погибло 15 гражданских (не военнослужащих) лиц США. За первые шесть месяцев 2013 года в мире было совершено уже 5100 террористических актов, то есть скорее всего он побьет все рекорды.

Пакистан, провинция Пенджаб, река Индус, гидроэлектростанция имени М.А. Джинны

1 февраля 2015 года

Укрощенный поток воды – всегда фантастическое зрелище. Река Индус, крупнейшая в Пакистане, тяжело дышала, недовольно отфыркиваясь пенными клочьями прямо под ногами. Здесь она уже была крупной, не такой, конечно, как Волга, но весьма солидной. Берущая свое начало в колыбели мира, в Северном Тибете, она спускалась с гор, чтобы дать жизнь десяткам миллионов людей, обитающих в ее долине. Пакистан – страна гор. Он небогат плодородными землями. Большая часть крестьян, их обрабатывающих, ютится вдоль рек.

По пути сюда они видели эти поселения. Нищие глинобитные мазанки, у кого дела идут получше – одноэтажные дома, широко раскинувшиеся на земле. Они построены из кирпича, в бесчисленном множестве производимого мелкими здешними заводиками, и оштукатурены смесью глины и извести. Стада коз и овец, тощие коровы, босоногие дети, играющие в лужах. Спутниковые тарелки над большинством домов – то немного, что дал технический прогресс этой несчастной, забытой Аллахом стране.

По этим тарелкам в дома идет информация. Туземцы принимают Аль-Джазиру, смотрят ролики в Ютубе. Догадайтесь, какие именно.

Из этого мира можно выбраться только одним способом. Севернее и западнее находятся лагеря. Пойдешь туда, и твоей семье будут каждую неделю давать так называемую гуманитар-

ную помощь через местную мечеть. Мешки риса, купленные на деньги саудовских и катарских шейхов, а также и на те, которые собраны мусульманами в Западной Европе. Если ты погибнешь под ударом американского беспилотника, которые здесь зовут пчелами, то твою семью тоже не забудут. Платить будут и тебе. Здесь все слишком дешево стоит, чтобы те, кто заинтересован в войне, не могли бы себе это позволить.

А в войне заинтересованы очень и очень многие. То, что происходит к западу отсюда, порождено четким материальным интересом, не имеющим никакого отношения к Аллаху.

Он – мусульманин и при этом профессиональный банкир! – отлично это понимал. За его спиной раздалися шаги. Он различил их, не поворачиваясь. Владимир, представитель завода-производителя. У него специфическая походка – он полный и чуть пришаркивает ногами.

– Что скажешь? – не оборачиваясь, спросил он.

– Оборудование – все Китай, до последнего болта. Почти новое. Но если они будут его так эксплуатировать еще пять лет, то оно сдохнет, не отработав и трети ресурса. – Владимир стал рядом, вытер платком потный лоб, мрачно посмотрел на бурлящую, пенящуюся под ногами воду и пробормотал: – Зверье!..

– Ты ошибаешься, – спокойно ответил банкир.

– В чем? Ты видишь, что тут творится? Только псих сюда будет вкладывать. Ты поглядывал на деревни, через которые мы проезжали? Это же каменный век. А что они творят?

– Ты видишь совсем не то, что должен, Влад, то есть нищие деревни и людей, которые, по-твоему, подобны зверям. У меня же перед глазами двести миллионов потенциальных покупателей. Что ты можешь предложить американцам такого, чего у них нет? Европейцам? У них все есть. А здесь нет ничего. В этих местах даже поесть досыта и то счастье.

– Знаешь, чего в достатке у американцев и европейцев? – спросил Владимир. – Денег. Долларов и евро, которых тут днем с огнем не найдешь.

Банкир рассмеялся.

– Долларов? Я не уверен, что эти портянки стоят дороже той бумаги, на которой они напечатаны. Современная финансовая система – одна большая ложь. Пирамида, которой уже некуда расти.

– Да, и ты ее часть.

– Верно, – согласился банкир. – Но есть один нюанс. Когда рушился МММ, первые вкладчики все-таки получили свои деньги назад. Не только сами вклады, но и проценты по ним. Деньги выносили сумками и мешками. Так и тут. Доллар скоро сдохнет, рынок западных государственных облигаций – тоже. Но первый, кто выйдет, точнее сказать, выскочит из него, не понесет убытков и сможет вкладывать деньги дальше.

– Вот сюда? – саркастически спросил Владимир.

– Сюда, в Афганистан, в Ирак, в Ливию, в Тунис. Всюду, где много людей, у которых ничего нет. Ты не задумывался о дикости современной экономики? Все говорят, что не знают, куда расти, а по меньшей мере два миллиарда человек нужно хотя бы накормить досыта. Но вкладывать некуда. Кроме разве что геронтологических клиник – новый тренд!..

– Есть один нюанс. У тех, кто тут живет, в каждом доме автомат. Я не представляю, как будет обстоять дело с возвратностью кредитов...

Банкир улыбнулся.

– Это всего лишь проблема, требующая своего решения, не более. Не переживай. Мне от тебя нужна всего лишь обоснованная цена этого объекта. Остальное я беру на себя.

Владимир поежился. Ему не нравилась эта командировка, и еще больше – человек, возглавлявший делегацию. Про него шли слухи. В банковском мире они очень важны, способны уничтожить карьеру даже самого грамотного специалиста. Но этому типу было как с гуся вода. Видать, не просто так люди говорят, что у него концы в Кремле и на Старой площади. Далеко не просто так.

Он был полукровкой, мать русская, отец татарин. Начинал в банке «Ак барс», потом ушел оттуда. Сейчас формально работал в министерстве экономики, но входил в советы директоров крупнейших банков с государственным участием. И здесь он находился не от имени правительства, а в качестве представителя банка ВТБ. Они искали возможности для вложений в пакистанскую гидроэнергетику и делали это наперекор китайцам, что само по себе чревато.

Полковник пакистанской антитеррористической полиции, которому поручили охранять русских гостей, приблизился к ним и сказал:

- Пора ехать.
- Сейчас поедem.

Полковник склонил голову, приложил руку к сердцу, показывая тем самым свое уважение. Он находился на службе и обязан был выполнять приказы. Но этот человек являлся еще и сыном своей страны и мог сравнивать. В антитеррористической полиции он имел дело с американцами и видел, что они творили и как себя вели. Этот же русский был правоверным. В отеле он первым делом попросил показать место, где можно встать на намаз, и совершал его по пять раз в день, как то и положено делать правоверному мусульманину. Русский не требовал спиртное и вообще не делал ничего такого, что не положено настоящему мусульманину.

Одно это заставило полковника проникнуться уважением к этому русскому и к его стране, даже несмотря на то, что второй гость вел себя недостойно. Полковник не знал, что среди тамошних жителей есть правоверные мусульмане. Если же такие имеются, то, возможно, отказаться от дружбы с Америкой и сблизиться с Россией будет лучше для его многострадальной родины. Америка не принесла на его земли ничего, кроме бедствий и всяческих раздоров. Быть может, Россия даст нечто лучшее. Он приказал своим людям, рассыпавшимся цепью у внедорожников и перекрывших низкое широкое строение плотины с обеих сторон, быть наготове.

Пакистан, Пешавар, отель «Перл Интерконтиненталь»

Вечер 1 февраля 2015 года

Пешавар. Перекресток дорог. Много лет назад, когда русские воевали в Афганистане, этот город был центром антикоммунистического сопротивления. Не просто же так высший совет лидеров этого движения назывался Пешаварской семеркой.

Далеко не все из тех, кто начинал эту войну, сейчас были живы и могли увидеть дело рук своих. Кто-то умер своей смертью, а кто-то и не своей. Несомненно, все они дали отчет Аллаху за содеянное ими.

Но город продолжал существовать. Он, как и раньше, был перекрестком дорог. От него начиналось Первое национальное шоссе Афганистана, великая дорога, воспетая еще Киплингом, основной путь снабжения сил международной коалиции в Афганистане.

Долгие тринадцать лет бесконечные караваны грузовиков шли по нему. Их часто останавливали и грабили. Охрана даже не пыталась этому противостоять. Иногда разбойники по договоренности с владельцами грузовиков поджигали их, чтобы правоверные мусульмане могли получить страховку с доверчивых идиотов-американцев.

Рынки Пешавара были завалены натовским барахлом, самым настоящим и продающимся буквально за копейки, потому что досталось-то оно совсем бесплатно. В течение последних двадцати лет Пешавар был одним из самых быстрорастущих городов Азии. За это время полностью интегрировались в жизнь города многочисленные афганские беженцы, пришедшие сюда в восьмидесятые, и люди из разных племен, спустившиеся с гор от бескормицы. Город жил,

строился, торговал. Источником денег для него были те доверчивые идиоты, которые решили, что они смогут изменить в Афганистане жизнь к лучшему.

Но теперь американцы уходили, замирали башенные краны у недостроенных высоток, пустели базары. Руки людей тянулись к автоматам, а деловое сообщество города уже собиралось, чтобы понять, как жить дальше.

Это неправда, что Пакистан стал ваххабитским анклавом. По крайней мере это не полная правда. Да, в Пакистане было много ваххабитов, их медресе и лагерей, но не всем это нравилось. Ваххабизм был здесь пришлым. Он появился тут в восьмидесятые годы, когда король Саудовской Аравии поставил условием оказания помощи афганским беженцам и движению сопротивления (муджахеддинам) открытие в каждом лагере медресе и прием там учителей из Саудовской Аравии, страны, где ваххабизм является государственной религией.

Уже тогда, послушав то, чему учили детей в этих медресе, самые дальновидные и понимающие язык американские инструкторы и советники понимали, что дело неладно. Конечно, джихад против неверных, священная война – это хорошо. Но не надо быть гением, чтобы кое о чем догадаться. Ведь они, американцы, такие же неверные, как и русские солдаты в Афганистане. Эти дети, восторженно заучивающие наизусть стихи войны, в будущем смогут стрелять в них точно так же, как и в русских.

Первый звонок прозвенел в Могадिशе. По данным военной разведки, на улицах столицы бывшего Сомали в день операции по поимке ближайших сподвижников генерала Айдида находилось несколько групп боевиков, прошедших подготовку в Пакистане, в лагерях близ афганской границы. Они использовали гранатометы, специально модифицированные для стрельбы с большим углом возвышения, и это позволило им сбить три американских вертолета. Погибли семнадцать американцев.

Вертолет «Супер-62» высадил бойцов у места катастрофы «Супер-64» и попытался поддержать их из бортовых пулеметов. Однако он был подбит шквальным огнем с земли, не дотянул до базы и потерпел катастрофу в районе морского порта. Пилотов удалось эвакуировать силами экипажа «Супер-68» до того, как место падения окружили исламские экстремисты. Еще двум подбитым вертолетам удалось дотянуть до базы, но к дальнейшим летным операциям они не годились. Всего было выведено из строя пять транспортных вертолетов из восьми.

Затем все покатило под откос. К две тысячи четырнадцатому году не только Афганистан, но и Пакистан находился на грани социального взрыва. Огромное нищее и голодное население, истощенность природных ресурсов, города, переполненные людьми, тяжелый экономический кризис во всем мире, вороватое и некомпетентное правительство!.. Все это ставило под вопрос существование самого Пакистана как государства.

Но кроме вороватого и продажного правительства, существовала еще бизнес-элита, у которой были собственные интересы. Она крайне негативно относилась к саудитам и к ваххабитам вообще. Это были конкуренты, причем весьма опасные. Сами саудиты и не скрывали, что собираются устроить государственный переворот в Пакистане, учинить зверскую расправу с прозападным меньшинством. Результатом всего этого стало бы установление жестокого шариатского режима и попадание в руки ваххабитов более сотни единиц ядерного оружия.

В Пакистане, кроме ислама, были сильны традиции и законы племен. Ваххабиты называли это *бида'а* и открыто говорили, что за такой грех положена смерть.

Пакистанцы не хотели отдавать страну в руки арабских шейхов, но им требовалась помощь. Американцы и европейцы отпадали. Они были слабыми даже в своей силе, постоянно несли какой-то бред про демократию, права человека, а на самом деле вели себя недостойно и всячески показывали свою уступчивость. Китай был лучше, но опасен тем, что требовал все или ничего.

Эта страна уже присутствовала в Пакистане, но требовался еще кто-то кроме нее. Турция или Россия. Турки были мусульманами, но Россия оказалась сильнее, в последнее время

хорошо демонстрировала свою мощь и достойно себя вела. Не следовало забывать и то обстоятельство, что про Россию и СССР здесь помнили. В шестидесятые и начале семидесятых годов СССР сам построил тут или помог возвести немало заводов. Люди не забывали об этом и были благодарны.

И вот русские оказались здесь. Они остановились в отеле «Перл Интерконтиненталь», принадлежащем исмаилитам, группе компаний, контролируемой духовным лидером одной из суфийских сект. Этот человек в пакистанском бизнес-сообществе был самым активным организатором отпора саудовцам.

Его можно было понять. В случае прихода к власти религиозного правительства, прикармливаемого из Саудовской Аравии, победы улицы он потеряет все, а его людей ждет бойня. Этот человек был бида'а, тем, кто привносит новшества в ислам и придает Аллаху сотоварищей. Кроме того, он был богат, значит, на пощаду рассчитывать ему не приходилось.

Именно исмаилиты организовали прием русских и их достойную встречу на территории Пакистана. В этот вечер с гостями встретился один из близких родственников духовного лидера исмаилитов Ага-хана Четвертого. Это был неприметный, не особо выделяющийся и не любящий светиться перед камерами человек, который тем не менее выполнял самые важные поручения лидера невидимой империи. Он совершил совместный намаз с одним из русских, а потом им подали чай, чтобы смягчить очень серьезный разговор, который сейчас должен был начаться.

Пакистанец попробовал губами чай и отставил в сторону. Слишком горячий.

– Полагаю, вы уже составили некое представление о моей многострадальной стране? – осведомился он.

Русский кивнул и ответил:

– Да, некое представление у меня имеется.

– Вы должны понимать, что здесь все непросто. Но еще есть шанс, что история этой страны и всего мира не рухнет в пропасть, как это произошло сто лет назад. – Пакистанец понизил голос. – Американцы уходят, это уже решено. И не только из Афганистана. Афганистан – это всего лишь лакмусовая бумажка. Они проявили слабость.

Русский улыбнулся и возразил:

– Отнюдь. Они просто перегруппировываются, делают то, что должны, – уводят своих людей из-под удара. Американцы умнее, чем вы думаете.

– О чем вы говорите?

– О том, что, по нашим данным, Индия подписала секретное соглашение с США. Америка больше не может содержать столько авианосцев, сколько у нее есть сейчас. Как только детали этого договора будут раскрыты, Индия получит из состава ВМФ США два авианосца, укомплектованных полностью, в том числе и самолетами. Вопрос только в персонале. Требуется время на то, чтобы его обучить. Вот только оно у вас и осталось. Когда эта сделка будет реализована, Индия закажет еще два авианосца на американских верфях. Итого их будет четыре, то есть больше, чем у всех других игроков, вместе взятых, за исключением США.

– О, Аллах!..

– Американцы искали себе нового союзника и нашли его. Кстати, помните про Абботабад? Как думаете, с какой границы прилетели вертолеты, как им удалось обмануть ПВО? С западной или с восточной, из Индии, от которой до Абботабада всего пять минут лета? Американцы приняли новую тактику. Убедившись, что не могут победить вас в открытом бою, они решили поступить с вами точно так же, как с нами в девяностые, сделали так, чтобы вы убивали друг друга. Сирия была проверкой, и вы ее не прошли. Америка никогда и не думала вмешиваться. Им выгодно, чтобы вы самоликвидировались. А теперь то же самое будет здесь. Только с одним нюансом. Ядерное оружие. У вас и у индусов. Потом янки, они создадут какой-

нибудь трибунал, чтобы судить выживших. Я думаю, им даже плевать на то, кто победит. Главное – сколько погибнет.

Посланник, который был едва ли не вдвое старше русского, с ужасом смотрел на него, а тот продолжал:

– Вы ведете себя недостойно, как самые настоящие дикари. Неужели Аллах хотел, чтобы так жили правоверные? Он, милостивый и милосердный, сделал так, чтобы вы поднимали руку друг на друга, грызлись, как звери?

– Вы не смеете нас судить! – вскинулся пакистанец. – Вы ничего не знаете о нашей стране и о том, в какой ситуации мы оказались.

– Отчего же, знаю. Когда-то давно вы шли прямым путем и даже создали собственную ядерную бомбу. Единственная страна в исламском мире, сумевшая это сделать! Но потом вы решили, что есть еще более страшное оружие. Ваххабизм. Тот самый, который вы импортировали в восьмидесятые, чтобы сражаться с нами. Точно так же вы поддерживали Талибан в девяностые, собственно, и создали его. Только теперь вашему цепному псу мало костей, которые вы ему бросаете. Он хочет мяса. Если вы будете продолжать заниматься самооправданием, то мое заключение будет отрицательным.

Пакистанец заговорил, тщательно подбирая формулировки:

– Ваши слова понятны, но это взгляд со стороны. В условиях однополярного мира мы просто вынуждены были выживать, действовали так, как нас заставляли обстоятельства. Но сейчас пришло время принимать решения. Вы также должны понимать, что Россия не сможет быть сверхдержавой с таким количеством населения, какое есть у вас. Вы просто не окупите собственную промышленность. Вместе же у нас больше трехсот миллионов человек. Кроме того, полагаю, вы знаете, какое количество наших людей находится на заработках в Иране и странах Залива. В Саудовской Аравии коренного населения только двадцать процентов. К нашим людям они относятся как к рабочему скоту, несмотря на то что являются мусульманами, как и мы. Я полагаю, что одно это обстоятельство способно...

Где-то на улице белый фургон, обычный микроавтобус «Тойота» с глухими стенками кузова, родом из девяностых годов, резко ускорился. Он приближался к посту полиции, прикрывавшему отель.

– Внимание, цель!

В Пакистане образца две тысячи четырнадцатого года в таких случаях стреляли сразу, не задумываясь, но пули оставили только белые разводы на бронированном стекле микроавтобуса. Он прорвал первую линию оцепления, но не смог преодолеть вторую, ударился о бетонное ограждение, установленное в двух десятках метров от отеля. С криком, держа наготове автоматы, к микроавтобусу бежали полицейские, но не успевали.

– Бисмиллах!.. – прохрипел тяжело раненный водитель и замкнул контакты, выведенные под сиденье.

Триста килограммов взрывчатки в долю секунды превратились в ничто и прихватили с собой все, что было рядом. Взрыв ударил по отелю со свирепой яростью атакующего быка. Те, кто был внизу, в лобби-баре, на стоянках, погибли мгновенно. Людей, нашинкованных осколками, сплюснутых в лепешку ударной волной, погребли под собой рушащиеся конструкции. Обвалилась вся передняя стена. Номер, где находились русский и переговорщик со стороны пакистанцев, располагался на последнем этаже отеля, менее всего пострадавшем при взрыве. Ударная волна выбила все стекла, но осколки были остановлены плотными шторами. Пакистанец и русский полетели на пол, погас свет. Через секунду с небольшим начала рушиться фронтальная стена.

Русский пришел в себя первым и пополз к двери. Но прежде чем он успел открыть ее, кто-то выбил полотно снаружи, замелькали лучи фонарей.

– Эфенди Сулейман, вы в порядке?

Пакистанец возился на полу, его подняли с двух сторон. Пахло дымом. Отель рушился, но потихоньку, не сразу. Никто не мог сказать, сколько простоит это здание, как сильно повреждены несущие конструкции.

– Эфенди Сулейман!..

Посланник исмаилитов, поддерживаемый рукой, прокашлялся и заявил:

– Надо уходить отсюда! Здание может рухнуть. Русских с собой!..

Темный коридор пронизывали испуганные крики. Двери были открыты настежь. Кто-то уже пришел в себя, но не знал, что делать. Одни спасали себя, другие пытались вытащить и самое ценное.

Из номера напротив охранники выволокли второго русского, Владимира. Тот был не одет, от него ощутимо пахло спиртным. Луч фонаря на мгновение высветил нездоровое мучнистое лицо.

– Он?

– Он! Уходим!

Один из охранников дал короткую очередь в потолок. Вспышка высветила коридор, полный людей, раздались испуганные крики.

– На пол! Всем лечь!

– К лестнице!

По людям, по каким-то вещам, наспех выброшенным из номеров, они пробились к пожарной лестнице отеля. Освещение там каким-то чудом горело. Телохранитель, идущий первым, пинком выбил дверь. Словно отвечая на это действие, за ней упало что-то тяжелое. Пол дрогнул под ногами, посыпалась пыль с потолка.

– Быстрее!

Они пошли вниз по лестнице, подгоняемые страхом. Если отель рухнет целиком... нет, об этом не хотелось даже и думать. Прошлый раз он устоял. Но ведь и башни-близнецы в Нью-Йорке тоже уцелели в девяносто третьем году, когда их пытались взорвать в первый раз. А эти ребята всегда доводят дело до конца.

– Стоп! – крикнул боец, идущий первым, когда они были между вторым и третьим этажом.

– Полиция! Полиция!

Снизу поднимались трое. Они были в черной униформе антитеррористической полиции, с оружием.

– Свои!

– Бросить оружие! Стреляю!

– Я владелец отеля Сулейман!

Телохранители опустили оружие.

– Дайте нам пройти!

Один из полицейских шагнул вперед. Как и все сотрудники антитеррористической службы, он был в маске.

– Где русские? Мы должны защитить их!

– Русские с нами. Надо уходить. Здание может рухнуть!

– Волей Аллаха...

– Что?!

Три автомата Калашникова ударили по телохранителям меньше чем с метра, оглушительный грохот наполнил тесный пролет лестницы. На таком расстоянии нельзя ничего сделать, не хватит времени защититься, нет никаких шансов. Это была настоящая бойня. Телохранители, расстрелянные в упор, мешками повалились на ступеньки, пороховой дым и пыль стояли в воздухе. Звенело в ушах.

Первый из полицейских шагнул вперед, направил автомат на пакистанца, придавленного телохранителем. Луч фонаря осветил его лицо, подслеповатые глаза.

– Изменник родины!

Отрывисто грохнул выстрел, запрыгала по бетонным ступенькам гильза.

Высокий русский выкрикнул шахаду, символ веры, подтверждая тем самым, что он мусульманин, свидетельствуя, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его.

Луч фонаря остановился на нем, замер на секунду.

– Берите русского! – приказал амир. – Уходим!

Все было разыграно как по нотам. Трое бойцов, двое из которых действительно были сотрудниками антитеррористической полиции Пакистана, знали о том, что произойдет взрыв. Они укрылись в помещении, которое должно было пострадать меньше всего. Единственное, что им угрожало, – так это полное обрушение здания. Но тогда их враги погибнут вместе с ними и проследуют в ад, где им самое место. Они же станут шахидами на пути Аллаха и наслаждаться верхними пределами рая, встретятся там с теми, кто уже принял свою судьбу из рук Всевышнего.

Но Аллах не дал им стать шахидами на этот раз. Сила взрыва оказалась точно рассчитана. Миниатюрные веб-камеры с питанием, независимым от электросети отеля, поставленные на этажах, подсказали им, как действовать дальше.

Операция была просчитана до секунд. Иначе и быть не могло. Ведь антитеррористическую полицию тренировали американцы. В том числе бывшие морские котики и спецы из отряда «Дельта-форс».

Они вышли на пожарную лестницу – основной путь эвакуации – в точно рассчитанный момент и убрали семерых врагов, не потеряв ни одного своего даже раненым. Именно такой должна быть настоящая операция муджахеддинов, что бы ни говорили про то, что лучший джихад – это когда ты ранен. Твои действия должны не только уничтожать врагов Аллаха, но и устрашать тех неверных, до которых ты еще не добрался.

У полицейских было при себе все необходимое. Они быстро набросили на запястья русским одноразовые пластиковые наручники, накиннули им на головы мешки. Затем, толкая пленников перед собой, выбрались во двор отеля. Он был засыпан стеклом, хрустящим под ногами.

Там уже ждал микроавтобус, старый «Мерседес», производство которого в девяностых годах было перенесено в Индию и продолжалось там до сих пор. Они затолкали русских в салон и сели туда сами.

Четвертый участник террористической группы, у которого были легальные документы и связи с дорожной полицией, тронул машину с места. Он знал, куда надо ехать.

Один из боевиков, сидя на полу, стащил маску. Он был совсем молод – и тридцати нет. Приятные, как у актера индийского кино, черты лица, короткие усики. Бороду он не носил. В полиции этого не поняли бы. Амир сказал, что он должен делать джихад без бороды. Аллах простит ему этот грех. Борода, конечно, обязательна для мусульманина, но ее можно и сбрить, если это поможет обмануть неверных.

– Хвала Аллаху! – сказал он. – Этот проклятый шиит наконец-то оказался в аду, где ему самое место. Теперь он уже не сможет мутить умы людей. Аллах улыбнулся, увидев наши деяния. Теперь нам еще надо получить выкуп с русских.

Сняли с себя маски и двое других бойцов.

– Не испытывай мое терпение, Абдалла, – коротко сказал пожилой мужчина. – Хвастовство ненавистно Аллаху, а наш путь далек от завершения.

– Я тебя понял, амир, – заявил молодой и коротко кивнул, обозначая поклон.

Третий, средний по возрасту среди них, сидел с мрачным видом.

– А ты что скажешь, Зия? – спросил его амир.

– Мы зря взяли русских, – заявил тот. – Надо было убить этого шиита и уходить. Никакой выкуп не покроет ущерб, какой мы нанесем сами себе этим деянием!

– О чем ты? Русские находятся с нами в состоянии войны. Их жизнь и имущество решены!

– Но, брат, этот высокий русский не соврал, когда произнес шахаду, – с беспокойством сказал боец антитеррористической полиции. – Он и в самом деле является правоверным. Я сам видел, как этот человек вставал на намаз в положенное время! Он не делал ничего недостойного, никакого греха, чтобы я мог заключить, что передо мной лицемер. Я думаю, его надо отпустить, брат. Одного заложника нам хватит, а за этого мусульманина мы никогда не оправдаемся перед Аллахом.

– Не думай об этом! – приказал амир, осматриваясь.

Машина шла на большой скорости. Никаких признаков преследования пока не было видно. Полиция сейчас стягивалась к месту взрыва. Но им надо было выехать в пригород минут за десять, пока стражи порядка не начали перекрывать основные магистрали.

– Я думаю о своей судьбе, брат, – продолжал боец средних лет. – Аллах свидетель, я всегда твердо стоял на истинном пути и не сходил с него. Ты знаешь, что я никогда не предаю ни тебя, ни наш род. Но делать джихад против такого же правоверного, как и мы, брат, – это явный грех. Аллах спросит с нас за этого русского, и мы не сможем оправдаться.

Амир схватил его за плечо и повернул к себе. Правый глаз, свой собственный, почти ничем не отличался от левого, безжизненного и тусклого, стеклянного. Много лет назад русские парашютисты напали на базу в горах его родной Ичкерии, он остался прикрывать отход. Заряд гранатомета попал в каменную стенку совсем рядом с пулеметом, из которого он вел огонь. Осколок вырвал его глаз, который повис на нерве. Тогда он вырвал его совсем, пожевал глину, залепил ею рану и продолжил бой. Сам мулла Омар получил точно такое же ранение и публично называл амира своим братом.

– Среди русских нет правоверных, – сказал он. – Они нам враги, все до единого. Запомни это!

Москва, Главное разведывательное управление Генерального штаба

3 февраля 2015 года

В Москве шел дождь. Как это часто случалось в последние годы, зимняя погода в столице оказалась особенно отвратительной. Настоящих морозов не было с первых чисел января. Буран, бушевавший несколько дней назад, ничего не изменил. Снег, выпавший тогда, был напитан водой. Под ногами людей и колесами автомобилей он превращался в кашу цвета прелой селедки. Наохлившиеся прохожие спешили по своим делам.

Темно-синий, почти черный внедорожник свернул с Хорошевского шоссе, забитого пробками, в направлении Ходынки. Здесь когда-то было летное поле, а теперь построили жилых домов, торговых центров. В любое время суток проехать тут было непросто. Впрочем, точно такая же проблема доставала людей по всей Москве.

На проходной водитель внедорожника предъявил сотруднику службы безопасности электронную карточку, отомкнул центральный замок машины. Еще трое прошли вокруг автомобиля. Один с зеркалом, которым он осматривал днище машины. Другой держал на руках собаку-таксу. Она сунулась в салон, но почти сразу же выскочила оттуда обратно на руки хозяина. Мол, чисто.

– Можете проезжать.

Водитель тронул машину с места, краем глаза приметив транспортный вертолет «Ми-8», садящийся на крышу комплекса. Сложилась какая-то чрезвычайная ситуация. Впрочем, иначе его и не вызвали бы сюда. Он до сих пор оставался в действующем резерве, хотя три года назад покинул стены Главного разведывательного управления. Тогда ушли многие. Какое-то время шла речь вообще о закрытии этой спецслужбы, восемьдесят лет стоявшей на страже интересов государства. Отстояли!..

На проходной он увидел безопасников с автоматами – значит, и в самом деле налицо обострение обстановки – и Марину! Он помнил ее еще совсем несмышленной и отвязной девчонкой. Теперь перед ним была настоящая женщина. Строгий брючный костюм, тонкая нитка жемчуга. Он заметил дорогие женские часы на запястье. Нет, совсем не те, что он ей подарил.

– Привет.

От нее пахло духами «Сальвадор Дали» и ложью. Он имел возможность убедиться в том, что ученица превзошла своего учителя.

– Привет. Тебя послали, чтобы меня задобрить?

Она толкнула его в грудь.

– Вообще-то я сама хотела тебя видеть. Веришь?

– Конечно.

Они смотрели друг другу в глаза и знали, что там нет ни капли правды.

– Пошли.

Они быстро прошли через контроль. Да безопасники особо их и не проверяли.

– Подполковник в тридцать два. Очень неплохо.

– Перестань!

Оба они знали, что каждый выживает как может. В этом нет ничего такого. Точно такие же правила действуют и в мире бизнеса, в который он ушел.

Как говорится в том бородастом анекдоте, женщина полковником быть не может. Она может быть лишь под полковником. Не такой уж плохой вариант, кстати.

Он знал много людей, работающих в этом здании, которые были достойны своих погон куда менее, чем Марина. Обычная бюрократическая мразь, воины, не встающие со стула. Марина же – бывшая синхронистка, мастер спорта и профессиональный стрелок. Женщины часто бывают лучшими снайперами, чем мужчины.

При этом она красива, что тоже оружие, лжива, абсолютно беспринципна и готова на все. Умна... точнее сказать, в ней есть тот звериный инстинкт выживания, какой живет не в каждом человеке. Ради того, чтобы уцелеть и продвинуться дальше, она готова на что угодно. Так что да, эта женщина вполне достойна своих погон.

– Я слышала, вы развелись, – сказала она, когда они спускались в лифте на минусовый, то есть подземный уровень. – Если хочешь знать...

– Я ничего не хочу знать! – отрезал он. – С меня достаточно.

Проблема в том, что у них ничего не может получиться. Нет, не в постели. Там-то как раз все было очень хорошо. Но жить с человеком, зная, что он... в общем, семья – это не поле боя. Он ушел из своей, не желая портить то небольшое, что еще осталось.

– Как хочешь. – Она пожала плечами.

Они вышли на четвертом подземном, прошагали по коридору, самому обычному, такому же, как наверху. Те же двери с номерами. Только небольшой, едва заметный... даже не запах, а именно нюанс, витающий в воздухе, подсказывал, что они под землей.

– Помнишь?..

– Нет! – отрезал он.

Не надо. Хватит. Та боль, даже ненависть к себе самому!.. Он заглушил ее работой и не желал, чтобы она опять просыпалась.

Если ты мразь по жизни, то трудно быть кем-то другим для своих близких людей. Разведка – это не та профессия, которую оставляешь за воротами, идя домой.

Марина провела карточкой по считывателю.

– Тебе сюда.

– А ты?

Она покачала головой. Он вдруг, неожиданно даже для себя, протянул руку, провел ладонью по ее щеке.

– Прости меня. Ладно?

Она ничего не ответила, просто повернулась и пошла назад, к лифту. А он, опять ненавидя себя, толкнул дверь, и та с легким шипением открылась.

– Товарищ генерал!..

Здесь по-прежнему обращались друг к другу именно так: «товарищ».

Пивоваров встал. Они обнялись. Гость знал, что навсегда останется полковником, потому все решил для себя. Зато его товарищ уже прицепил вторую генеральскую звезду на погоны. Они знали, чем обязаны друг другу. Один из них, рискуя собственной карьерой, уничтожил все документы, на основании которых его товарищу могли быть предъявлены уголовные обвинения. Второй больше мили тащил своего раненого друга до машины, которую они спрятали в сухом речном русле. Это было в Центральном Ираке, в месте, которое стало известно потом как адский треугольник. Тогда еще американцев там не было. В стране правил Саддам.

– Как?..

– Нормально.

– Да, слышал.

– Да ни хрена ты не слышал! – взъярился вдруг гость.

– Эй!.. – Генерал покачал головой. – Я вообще-то про твою новую работу говорю. Ты когда в туалет идешь, ноги не ошпариваешь, а? Давай-ка дернем.

Из небольшого сейфа, вделанного в стену, появилась бутылка, на две трети заполненная коричневой влагой, и два стакана. Хозяин кабинета набулькал по две трети, толкнул один стакан гостю.

– Армянский?

– Он самый. Видишь – без этикетки. Специальный резерв, такой вообще не продают. Армянские товарищи прислали.

Гость пригубил напиток. Армянский коньяк и в самом деле был хорош, несколько суховат по сравнению с французским, но очень неплох.

– Что нового? Я слышал, от вас отстали?

– Пока да, но впечатление очень хреновое. Один урод...

– Уходи. Делай, как я.

– Ты знаешь, я к этому делу непривычен. Я человек государственный. У меня мозги по-другому работают.

– Я тоже так думал. Попробовал сам – понравилось. Это проявление слабости – все валить на тех, кто сверху. Не устраивает, уйди и стань себе хозяином.

В общем-то это было правильно. Сама ситуация с бывшим министром, который сейчас проходил подсудимым по делу о многомиллиардных хищениях, отдавала непередаваемой дикостью. Как смог этот человек, не имеющий никакого отношения к армии, стать не просто министром обороны, но и вообще государственным чиновником высокого ранга? Как он продвигался вверх, почему система его не распознала и не исторгла из себя? Как он смог такое долгое время проработать министром и совершить столько всего?

Ведь все эти истории с продажей имущества – только верхушка айсберга. Как, например, насчет того, что бывший министр собрал всю современную, только что заказанную летающую технику всего на четырех базах? Это как нарочно. Четыре удара «Томагавками», и у Рос-

сии больше нет ВВС. Как, например, насчет разгрома центра боевого управления войсками? Министру, видите ли, понадобились помещения под кабинеты для приближенных. Это при том, что в оснащение центра совсем недавно вложились, сделали серьезный ремонт.

Как насчет попытки разгромить ГРУ – спецслужбу, которая создавалась десятками лет? Американцы только сейчас пытаются сотворить нечто подобное: военную разведку, сочетающую в одном ведомстве аналитику высшего класса и ударные подразделения первого уровня. У них не получается. А мы свое уничтожаем.

Как насчет попытки разгрома ВДВ? Публичное повешение – самое малое, что можно получить за такое.

Но дело не в этом. Обратная сторона медали в том, что все эти люди, многозвездные генералы, опытные оперативники, сносили такое почти безропотно. Максимум, что они делали, – жаловались.

Так, как он, поступили немногие. Хотя это и есть нормальная реакция на подобные вещи. Не платят, к примеру, зарплату – не продолжай работу, уйди. Издеваются, как только могут, – бросай это дело. Если не уходишь, значит, все в норме. Такое положение тебя устраивает.

– У нас появилась проблема, – сказал генерал. – Очень серьезная.

– Для начала скажи, в качестве кого я здесь нахожусь? – уточнил гость.

– Пока консультанта. А потом, может, и работу получишь.

– Даже так. Нет, спасибо. Работа у меня уже есть.

Генерал стукнул кулаком по столу.

– Не выделывайся! Я, знаешь ли, тоже претензий ко всем имею вагон и маленькую тележку. Вот только понимаю, что если на излом брать, то оно и сломаться может. А ты знаешь, что с нами со всеми в таком случае будет? Начнут ловить по всем щелям и колбасить почем зря. Я тебя как человека пригласил. Нет – отваливай.

Гость протянул руку, без спроса налил себе еще коньяка и осведомился:

– Ты чего такой злой? В туалете ноги не ошпариваешь?

– А каким мне быть, когда я один, а вас целый полк и у каждого свои тараканы в башке?! Тебе легко тут выеживаться. На мое место встань!..

Гость выдохнул, выпил.

– Проехали...

– Да ясно, что проехали. Если хочешь знать, работа не для тебя, а для той структуры, которую ты создал. Тут тоже не долбодятлы сидят. Американцы на этом рынке вовсю играют, творят, что хотят. Пора бы и нам, прямо с нашим свиным рылом! Ты сделал – хорошо. Поддержим. Только не бухти тут!..

– Проехали, говорю. Что там у тебя?

– Что-что!.. – Генерал убрал остатки коньяка в сейф, достал взамен обычный канцелярский конверт. – Да все то же самое.

В конверте оказалась карта памяти для мобильного телефона. Генерал вставил ее в разъем своего ноутбука. У него их на рабочем столе было целых три, в том числе один совсем маленький, чтобы носить с собой. Другой был отключен от сети. В него-то он и вставил флешку, повернул на сто восемьдесят. Гость впился взглядом в экран.

Черный флаг. Гнусавый голос, произносящий шахаду, символ веры. Да, все то же самое. Ничего не меняется.

Камера явно любительская, хотя сейчас такие снимают и на уровне профессиональных. Не на штативе, на руке оператора, что необычно для съемок такого рода. Луч фонаря, два человека на земляном полу какой-то хижины. Этим людям что-то бросают, один из них подбирает и раскрывает. Это газета «Дейли Мушрик», крупнейшая в регионе. Число вчерашнее.

Луч фонаря высвечивает ствол автомата. Это «АК» старой модели или китайский, самое распространенное оружие в тех местах. По нему ничего не скажешь.

Потом запись прерывается.

– Наши?

Генерал тяжело вздохнул.

– Они самые. Владимир Михальчук, «Гипроводстрой», Волгоград, технический специалист высшего уровня. И Айрат Сергеев, банк ВТБ, член совета директоров. Изучали возможность вложений в пакистанскую гидроэнергетику. Вот и изучили!

– Сколько?..

– Десять лимонов. Срок – две недели. Затем их казнят.

– Вечнозеленые?

– Евро. Сам знаешь, пятисотенными куда проще.

– Ерунда. Надо торговаться и по срокам, и по сумме. Десять лимонов евро – нереально.

Похитители и сами это понимают.

– Ну почему же...

– Есть еще что-то, так? Это ваши люди?

Генерал покачал головой.

– Не совсем так. Они не выполняли разведывательную миссию, если ты об этом. Но Сергеев – человек Старой площади. Выходит куда-то на самые верха. А они не объясняют, что и зачем делают. Но информация для размышлений такая. Михальчук и Сергеев пропали в Пешаваре позавчера вечером. Они заселились в отеле «Перл Интерконтиненталь», их охраняли не частники, а взвод антитеррористической полиции. Сам понимаешь, такое прикрытие дают только тем, кто прибыл по делам государственного уровня или имеет очень хорошие связи в Пакистане, на самой верхушке. Отель взорван, они числились погибшими при взрыве, пока мы не получили это. Теперь считаем, что террористический акт у отеля – лишь прикрытие для их похищения. Погиб шестьдесят один человек, больше трехсот пострадавших.

– И все ради двоих русских, – задумчиво сказал гость.

– Вот именно. – Генерал посмотрел на часы. – Оперативное совещание начнется через несколько минут. Я хочу, чтобы ты посмотрел его. Затем продолжим.

На оперативном совещании гость не присутствовал по понятным причинам. Это было бы слишком... неприлично. Бывший оперативный сотрудник, ушедший безнаказанным, пусть и с большим скандалом, сидит на мероприятии такого уровня. Это надругательство над самым главным, что есть в этом здании.

Нет, не защитой, не безопасностью родины. Иерархией. Система давно жила своей жизнью. О безопасности родины здесь если и задумывались, то ровно в той степени, в какой это не мешало системе. Человек, конфликтующий с начальством, изгонялся отсюда навсегда, даже упоминать его считалось чем-то вроде хамства. Приди он в ведомство с карт-бланшем, хотя бы лет на пять – выгнал бы по меньшей мере половину из тех, кто здесь пригнулся, а от полковника и выше – четыре пятых.

Взять хотя бы это совещание, которое гость смотрел по телевизору, в отдельной комнате. В своей системе он строил работу просто. Критикуешь – предлагай, делай и отвечай. Простые принципы, забытые еще со времен Сталина.

Он смотрел, как взрослые люди при больших погонах увиливали от ответственности, и к горлу подкатывала тошнота. Ведь он когда-то и сам сидел на совещаниях такого рода. Играл по правилам, установленным кончеными ублюдками.

Совещание наконец-то закончилось. Лучше бы оно и не начиналось.

Генерал-лейтенант пил чай. С невеселым, надо сказать, видом. Но гость понимал своего старого товарища. Работать с такими кадрами – тут и устрица озверееет.

– Что скажешь? – спросил генерал.

– Полная фигня!..

– А поподробнее?

– Пожалуйста. Кто сказал, что в места, подобные долине Сват, трудно проникнуть? Да это как раз легче всего сделать, задача для первокурсников. Сейчас в долине Сват, насколько можно судить, действуют не меньше ста лагерей боевой подготовки. Они работают в основном на Сирию, Ливию, Судан, Египет. Ну и на Афганистан, конечно. Туда приезжают люди со всего мира, в том числе и из России. Текучка очень высокая. На национальность там внимания не обращают, на документы тоже, обучение поставлено на поток. Заслать туда одного, двух, с десятков наших людей – проще простого. Намного сложнее будет удержаться, не вызвать никаких подозрений и чисто сделать свое дело. Вот это непросто, признаю, но возможно. Они сильны своей фанатичной верой, но в этом же заключается их слабость. Когда к ним приходит, скажем, человек из России и говорит, что он уверовал и готов встать на джихад, они в этом не усомнятся, не станут проверять сразу. Это начнется позже, когда человек будет подниматься по иерархической лестнице. Но пока он исполнитель, пушечное мясо, какого много. Зачем его проверять? Как я понял, мы ведь говорим не о долгосрочном внедрении.

Генерал утвердительно кивнул.

– Да, именно так. Другой вопрос, как нам залегендировать человека. Ты же понимаешь, по этой дорожке нельзя прийти от себя самого. Тебя кто-то должен отправить и поручиться за тебя. На момент прибытия в лагерь ты должен быть обрезан, уметь совершать намаз, знать Коран хотя бы на минимальном уровне, иметь какую-то теоретическую подготовку. Надо убедительно ответить на вопрос о том, зачем ты здесь, иметь за собой что-то, какую-то историю.

– Значит, надо найти человека, за которым есть такая история. Пусть он проникнет в регион и выяснит все то, что нам нужно.

– Ты спятил?

– Вовсе нет.

Бывший полковник и действующий генерал мерились взглядами, острыми, как нож, волчьими.

– У нас есть одно преимущество, на котором нам нужно научиться играть. В нашей стране больше десяти миллионов мусульман. Ты не хуже меня знаешь правило джихада. Любой неверный виновен, пока не доказано обратное. Но для тех, кто принял ислам, действует противоположное правило. У нас в стране достаточно потенциальных лазутчиков, агентов. Мы вербовали сотрудников ЦРУ, неужели сейчас не сможем найти пару отмороzków?

Генерал побарабанил пальцами по столу и ответил:

– Нет. Не сможем.

– Тогда для чего я здесь? Некому поплакаться в жилетку?

Генерал переваривал сказанное несколько секунд, потом ехидно усмехнулся и осведомился:

– Давно таким борзым стал?

– Нет. После того, как понял кое-что. Раньше я считал, что время – это человеческие жизни. А сейчас говорю иначе. Время – это деньги. Они важнее. Потому что жизни чужие, а бабки – они свои. Кровные.

Генерал покачал головой.

– Круто солишь. Ладно, поехали.

Москва утопала в пробках, но они ехали не в центр. Две машины прошли третье транспортное кольцо, выскочили на магистраль и прибавили ходу. Нужный им человек отстроился в восьмидесяти километрах от столицы. Нет, не потому, что не мог позволить себе приобрести землю подороже. Это запросто. Даже по двадцать штук гринов за сотку. Просто он любил тишину и ненавидел тех, кто жил на Рублевке.

Говорят, что в давние времена на Востоке, тогда еще нашем, был один верный способ определить, дом какого начальника перед тобой – большого или не очень. В мирных и тихих полуфеодальных княжествах, где «Волгу» брали за десять госцен, мало кто обращал внимание на негласное правило – не строить дома площадью больше ста квадратов. Люди там возводили настоящие дворцы. Но вот павлинов мог завести себе не каждый. Ты мог быть богат, как Крез, насосаться денег за поставки неучтенного урожая в северные регионы. Но на павлина имел право только тот, кто был на вершине власти или почти на ней.

В современной Москве своеобразную роль павлинов все чаще выполнял вертолет. Пробки были такие, что даже с мигалками быстро пробиться стало уже невозможно. Чиновничество переходило на вертолеты. В этом особняке, привольно раскинушемся на берегу небольшой подмосковной речушки, посадочная площадка имела. И вертолеты были, даже два. Пузатый и важный «Ми-17» в окраске госкомпании «Россия» и небольшой ярко-красный «Еврокоптер».

Особняк стоял на территории столетнего соснового бора. Его окружал забор в три метра высотой, вдоль которого ходили патрули с собаками. Прямо через бор вела дорога, качеству которой позавидовали бы и немецкие автобаны. Из соснового леса тянуло дымком. Там то ли жарили шашлык, то ли жгли мусор.

Гость припарковал свой «БМВ» возле черной «Ауди» генерала. Рядом мгновенно возникли двое сотрудников охраны, невысокие, но крепкие, вышколенные как доберманы.

– Со мной, – сказал генерал.

Охранники подступили ближе, гость поднял руки. С помощью небольшого сканера его мгновенно обыскали, изъяли девятимиллиметровый «вальтер».

– Вернем на выходе.

– Виктор Иванович у себя? – осведомился генерал.

– У охотничьего домика. Проводить?

– Сами.

Охрана мгновенно испарилась, точно ее и не было.

У охотничьего домика, новодела в стиле швейцарского шале, двое мужчин жарили шашлык. Третий сидел рядом с ними и смотрел куда-то в лес. Он был чуть выше среднего роста, неприметен, в неброском, но дорогом костюме, пошитом не в престижном «Сэвил Роу», а в безымянном берлинском ателье. Этот человек знал немецкого мастера еще с тех пор, когда Берлин был разделен на две части. Теперь он вознесся до небес, но не считал нужным менять свои привычки.

Господин, к которому прибыли гости, давно примелькался на экранах, но сейчас держался в тени. Многие связывали это с опалой, некоторые даже предсказывали его арест, но дело было в другом. Он по-прежнему был вхож на самый верх и занимался самым опасным делом. Политикой. Настоящей.

Это вам не митинги с белыми шарфиками, хотя и они тоже, если ты не справляешься с домашним заданием. Настоящая политика – всегда игра на чужом поле. Если кто-то влез на твое, значит, ты лох.

Теперь перед Россией и людьми, ставшими ее элитой, стояли такие задачи, о которых раньше и подумать было страшно. Почему некоторые страны, стоит им пошатнуться, получают помощь и поддержку со всех сторон, а другие нет? Почему в девяносто первом так кинули Горбачева с кредитами? Он ведь на самом деле надеялся на вливания и строил свою политику именно в расчете на них. Почему СССР развалился на куски, имея долг в несколько процентов от валового внутреннего продукта, хотя он у них под сто?

Почему все вкладываются в доллар и никто не называет его деревянным? Почему массовое печатание долларов, называемое количественным смягчением, не приводит к такой же

инфляции, какая произошла в СССР? Почему люди готовы покупать гособлигации Германии под ноль процентов?

Почему Украина так рвется в Европу, несмотря на все очевидные минусы этого? Почему Саудовская Аравия покупает американского вооружения на семьдесят миллиардов долларов, хотя почти такой же пакет нашего ей обошелся бы меньше чем в десять? Почему за рубежом столько наших денег, хотя они могут быть в любой момент заблокированы и конфискованы?

Такие вопросы задают государственные деятели, не чиновники.

Услышав шаги, Виктор Иванович не обернулся. Ветер подул в его сторону, принес духмяный аромат мяса, углей и рассола.

Повинуясь движению руки, они сели за столик. Хозяин этих роскошных угодий еще какое-то время смотрел на лес, потом повернулся к гостям. Бутылка водки уже стояла на столе. Она невесть как появилась там вместе с тремя стаканами.

Хозяин дома разбулькала жидкость по стаканам.

– Будем! – веско сказал он.

Гость отрицательно покачал головой, отставил стакан.

– Водку не употребляю.

Генерал в ужасе ждал продолжения. Он был приближен, вхож, но не мог себе такого позволить. Когда предлагают выпить – отказаться нельзя, будь ты хоть каким больным. Это знак высочайшего доверия. Сдохни, но выпей.

– Болееешь, что ли? – спросил государственный деятель.

– Нет. Просто не употребляю водку.

Хозяин испытующе взглянул на ершистого гостя, опрокинул стакан, крикнул.

– Молодец. С характером.

– Мы по поводу...

– Знаю, – проскрипел политик сиплым от водки горлом. – Позвонили уже.

На стол поставили блюдо. Шампуры, сочное мясо, зелень. Помидоры.

– Сделаешь? – спросил большой человек, глядя на визитера.

– Да, – просто ответил тот.

Хозяин показал на мясо.

– Ешь. Надеюсь, ты не на диете?

Гость молча взял шампур.

«Ты» в данном случае было не хамством, а знаком высокого доверия.

На то чтобы обрисовать план действий, гостю понадобилось минут тридцать. Виктор Иванович внимательно слушал его. Он был своевольным, даже самодуристым, но уважал профессионалов, какими бы ершистыми они ни оказались.

Когда гость закончил излагать план, наступила тишина.

– Лихо! – сказал политик. – Даже очень. Гарантию даешь?

– Гарантий в таких делах быть не может.

Хозяин испытующе уставился на гостя.

– За такие-то бабки?

– За любые. Гарантией будет то, что я сам окажусь там, на месте.

– Ну-ну. – Виктор Иванович махнул рукой, и какие-то люди быстро унесли остатки мяса. – Чтобы ты понимал, о чем идет речь. Айрат – мой человек. Его делом было вложиться в Пакистане. Застолбить поляну.

Гость кивнул.

– Я понял.

– Его нужно вернуть живым и наказать тех, кто это сделал. Так врезать, чтобы больше не лезли. И то и другое обязательно. Ты понял?

– Понял.

– Тогда свободен. Наверху помогут, если что надо. С деньгами решим.

Когда гость скрылся среди деревьев, хозяин повернулся к генералу.

– Кто он? – жестко спросил он.

– Мой бывший начальник отдела. Вышибли при прежнем нашем министре.

– За что?

– Дискредитация. На деле...

– Не надо. Без тебя вижу. За борзоту.

Генерал пожал плечами. Мол, понятное дело.

Политик жестко посмотрел на него и заявил:

– У нас карают за дело, а надо бы – за безделье. Понял? Оно сейчас опаснее любого проступка. Лучше делать хоть что-то, чем ничего.

Генерал подумал, что вот такие персоны, как этот Виктор Иванович, и выбрасывают из системы тех, кто имеет хоть проблеск собственного мнения. Чтобы потешить свое величество, склонное к самодурству. Но потом, чтобы сделать дело, им приходится привлекать людей со стороны.

– Он сделает. Я его хорошо знаю. Если сказал, то так оно и будет. Вложится как следует... – Генерал уловил недобрый взгляд и торопливо поправился: – Я сделаю, Виктор Иванович.

– Сам на рожон не лезь. Работай двумя каналами: официальным и тeneвым. Но второй сделай главным. План непосредственного вмешательства. Что-то все эти аллахакбары совсем страх потеряли!

– Я понял.

– перезвонишь моим людям, они организуют все, что вам нужно. Деньги в разумных пределах, конечно. Но в больших. Дай ему понять, что, если сделает, может на многое рассчитывать.

– Обязательно, Виктор Иванович.

– Начни готовить докладную записку для подачи наверх.

Генерал изобразил на лице живой интерес и готовность.

– Тема – активные действия в странах третьего мира с учетом современной политической обстановки. Активное противодействие нам НАТО, третьих стран. Правозащитники, диссиденты всякие. Особое внимание – на возможность решения государственных задач через организацию частных военных и охранных предприятий международного уровня, юридически независимых, но фактически находящихся под нашим контролем. Распиши подробнее штаты, сметы, все, в общем.

– Я понял, Виктор Иванович. Прикажете подбирать людей?

– Нет. Пока рано. Но с учетом происходящего в Сирии... если твой парень решит задачу, думаю, что мы это решение проведем.

– Так точно.

Политик посмотрел на генерала со странной смесью презрения и жалости.

– Иди и не поддакивай мне, а работай. Завалишь дело – шкуру сниму.

Генерал медленно шел к своей машине и напряженно думал. Конечно, того же Виктора Ивановича ни в жизнь не заподозришь в том, что он ночей не спит, думает о защите интересов государства. Все проще. С того же спецназа ГРУ ничего не поимеешь, на него надо только тратить, причем немало.

Но можно организовать частную лавочку, забрать туда самых толковых, притащить и тех, кого вышибли или кто сам ушел, не выдержал того, что творилось, организовать хорошую тренировочную базу, условия. Вот тут-то и придет время карман подставлять. Потому что любые услуги такой структуры будут стоить очень и очень недешево. Бабло бюджетное, неслитанное.

Да, молодец Виктор Иванович. Генерал знал, что такие попытки предпринимались и раньше, но все тормозилось с самого верха. И не без причины. Такие частные конторы, на деле же отряды спецов, выведенные из системы жесткого государственного контроля, могут быть запросто использованы для силового захвата власти.

Но Виктор Иванович все-таки своего добивается. Один шайтан знает, с какими целями.

Махачкала

4 февраля 2015 года

Махачкала встречала гостя мокрым снегом с дождем. На бетонке он быстро таял, превращался в кашу того же цвета, что и в Москве. Через промозглый туман уныло светилась неоновая надпись на здании аэровокзала, имеющего совершенно советский вид. Автобус пассажирам не подали, и они поплелись через все поле. Ледяная вода хлюпала в дорожных ботинках гостя, отбирая остатки тепла. Приехали!..

В аэропорту их для вида проверили ипустили. Даже таксисты не были такими экспрессивными, как обычно. Видимо, погода сказывалась. Он выбрал одного из них, подошел.

– Салам алейкум.

Таксист – невысокий, лет сорока, с короткими усами и небритый – подозрительно покоился на потенциального пассажира. С виду то ли русский, то ли нет, но обращается так, как это принято у мусульман. Может, провокатор?..

– Ва алейкум... – сказал таксист так, как и должен говорить правоверный неверному.

Еще при жизни пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, к нему на базаре подошли евреи, и один из них сказал: «Ас саму алейкум, Мухаммед», что означало «Смерть тебе, Мухаммед!». Аиша, жена пророка, начала ругаться с ними, но он остановил ее и сказал коротко: «Ва алейкум», что означало «И вам».

– Подвезешь?

– Дорога плохая.

Гость Дагестана достал несколько купюр из кармана.

– До Дербента пойдет?

Это были почти две цены, да еще и в евро. В голове таксиста промелькнули нехорошие мысли, но он сразу отказался от них. Долгая и страшная война на Кавказе научила его мгновенно оценивать людей. Этот тип, несмотря на свой мажорный внешний вид, явно был человеком опасным.

Южный пост, печально знаменитый тем, что через него шло большое количество контрабанды и наркотиков, они прошли хорошо, без проблем. Полицейские тоже мерзли, поэтому несли службу спустя рукава.

Вчера секретным приказом этот человек был отозван из запаса и призван на действительную военную службу с тем же воинским званием, которое у него было, – полковник. Под него же создали ВСОГ, временную сводную оперативную группу, которая ждала сигнала в Москве. Ему выдали пластиковую карточку – удостоверение сотрудника ГРУ.

Проблема состояла в том, что на ней не было ни фамилии, ни имени, ни должности – только фотография и микрочип внутри для пропускной системы. Это вряд ли помогло бы ему, если бы на блокпосту его обыскали и нашли «Глок-19», который он теперь носил с собой вместо прежнего «вальтера». В Дагестане такая предосторожность была не лишней.

Дальше дорога шла по побережью. Иногда через круговерть снега и дождя проглядывал мрачно-серый, волнующийся Каспий. Кусты ломились под тяжестью нападавшего снега. Мелькали деревушки, небольшие городки, старые «Волги» и новые «Приоры». Полиции почти не

было, военных тоже. Вопреки общему мнению их в Дагестане встречалось немного, и на каждой улице патрули не стояли. Дорога была плохой, ухабистой.

В Дербенте, которому пять тысяч лет, он вышел из машины на автовокзале. Город находился на склоне холма, плавно спадающего в Каспий. Советские пятиэтажки выглядели диссонансом рядом с частными домами, квартальными мечетями и старым городом арабского стиля, одноэтажным.

Если бы не снег, можно было бы подумать, что ты находишься где-то на Востоке, в Иордании, Сирии, Северном Ираке, может, в Турции. Но это была Россия. Город существовал уже пять тысяч лет. На здешнем кладбище сохранились могильные камни ансаров, сподвижников Пророка.

Чертов Восток!..

Он попал в Военно-дипломатическую академию в восемьдесят шестом, самый пик войны в Афганистане. Этот человек был потомственным военным, сыном и внуком офицеров Советской армии, но не имел такого блага, какой был у мальчиков, папы которых служили в Арбатском военном округе. Те шли по западноевропейскому направлению, изучали английский, французский, немецкий. Их отцы выбивали им непыльные должности в цивилизованных странах.

Он, довольно темный лицом и с курчавыми волосами, шел по так называемому афганскому набору. Был такой «курс дураков». Не хватало переводчиков, специалистов по исламу. Вот парень через одиннадцать месяцев и попал в ограниченный контингент.

Уже там нелегальная резидентура заметила сметливого молодого офицера, который при базовом дари разучил пушту и довольно бойко торговался с местными дукандорами, сопровождая группы военных на Чекен-стрит. Так он попал в систему. Следующее его назначение было в Пакистан, где он отгарабанил три года на довольно опасном участке.

Потом рухнул Союз. Он четыре года был предоставлен сам себе, ничем толком не занимаясь, торговал точно так же, как и все прочие граждане великой державы. Потом вернулся в ГРУ и получил назначение в саддамовский Ирак.

Чертов Восток!

Нужную дверь в старом городе он нашел быстро. Никакого звонка не было, гость постучал. Открыла молодая женщина пугливого вида, закутанная в шаль.

– Салам! – сказал он.

Женщина посторонилась.

Нужный ему человек появился только к вечеру. Невысокий, шуплый, с длинной седой бородой, он походил на джинна из сказок, да, в сущности, им и был. По крайней мере в среде моджахедов его называли именно так. Он был легендой уже тогда, в восьмидесятые. По всему Афганистану ходили слухи о шурави, который мог перевоплощаться в моджахеда так хорошо, что даже самый ревностный из правоверных, встретив его на улице или услышав, как он делает намаз, не смог бы заподозрить неладное.

Про него говорили разное. Одни считали, что он этнический узбек или таджик, переметнувшийся на сторону шурави, другие называли его хазарейцем, а третьи говорили, что никаких джиннов не существует и все это сказки. Среди шурави нет тех, кто чтит Аллаха.

Все это было ложью. Перед гостем стоял генерал-майор Аслан Магомедович Чамаев, аварец, мусульманин по вероисповеданию и советский офицер. В восемьдесят восьмом ему было присвоено звание Героя Советского Союза за операцию, подробности которой не подлежат разглашению и сейчас.

Несмотря на возраст – а Чамаеву было под семьдесят, – он держался до сих пор прямо, как будто палку проглотил, ступал мягко и неслышно.

Увидев гостя, он не удивился, а только коротко спросил женщину:

– Накормила?

Полковник поднялся со своего места, поклонился, приложив руку к сердцу.

– Да пошлет Аллах удачу этому дому. Да пребудет с вами милость и благословение Аллаха, да вознаградит Он вас за доброту к путнику. Я сыт и всем доволен.

Сказано все это было на пушту, языке афганских племен.

– И с тобой да пребудет милость Аллаха. Да поможет Он тебе в нелегком пути, – сказал генерал. – Что ты ищешь здесь?

– Доброго совета и помощи в нелегком деле.

Генерал покачал головой и спросил:

– Разве наш народ еще может чем-то помочь вашему?

– Аллах ожесточил сердца людей и затмил их разум, поселил среди нас рознь и безумие в наказание нам, но правда всегда найдет путь к тому, кто просит о ней.

Генерал снял тяжелую промокшую бурку, набросил на плечи другую, почти такую же, и заявил:

– Поехали.

На старой «Волге» они поднялись к самому краю города, к развалинам древней крепости. От нее кое-что осталось, намного больше, чем в других местах. Были частично целы стены и даже внутренние помещения. Крепость стояла прямо над самым городом, почти на гребне холма, непоколебимым монументом, бросая вызов самой вечности.

Сиюминутное было здесь в виде настоящей свалки, устроенной под этими стенами. Там грудились какие-то пакеты и пустые пластиковые бутылки, припорошенные снегом, а само сооружение было не менее древнее, чем, допустим, Стена Плача в Иерусалиме.

– Что ты здесь ищешь? – спросил генерал, как только они вышли на стену.

Сейчас Каспий был едва виден отсюда, хотя в хорошую погоду он просматривался отлично.

– Мне нужна помощь.

– Ты на службе?

– Да.

Генерал покачал головой.

– Не могу сказать, что я этому рад.

– Я слышал, вы стали хаджи? – спросил полковник.

– Да, хотя это уже не то, что прежде. Люди садятся в самолет и просто летят в Мекку. Знаешь, что учинили с мостом?

– Да, слышал.

– Они сделали его семиэтажным! – недовольно сказал генерал. – Я был там в первый год после того, как открыли новый мост. Для побивания шайтана мне выдали камешки в пакетах, все одного размера, а столбы теперь обтянуты резиной. Зато там безопасно, есть место всему и всем. Кроме веры.

– Вера укрепляется страданиями?

– Именно! – Генерал поднял палец.

– Но разве то, что происходит сейчас в Багдаде, в Карачи, в Кабуле, совершается по воле Аллаха? – спросил полковник. – Неужели Он, милостивый и милосердный, хочет, чтобы одни мусульмане убивали других? Всевышний велит негодяям закладывать в бомбы гайки, болты, рубленую арматуру, чтобы изорвать взрывом людей? Где находится в это время Аллах?

– Зачем ты приехал?

– Мне нужна помощь.

– Тебе или нам?

– Мне, – твердо сказал полковник. – Я взялся за дело и не могу отступить.

– И чья же помощь тебе нужна? – спросил генерал. – Наша? Зачем? Мы теперь другая страна. Да, мы живем в Российской Федерации, голосуем на выборах, платим за все рублями, но стали для вас теперь черными. Вы же для нас неверные.

– И это хорошо?

– Это факт. Имей мужество, чтобы изменить то, что можешь, и еще больше, чтобы признать – есть вещи, с которыми ты справиться не в силах.

– Когда-то вы так не говорили.

– Все изменилось.

– Да, – сказал полковник. – Все изменилось. И вы знаете, кто это сделал и как, потому что стояли у истоков. Я тоже. Мы работали в Пешаваре и видели лагеря беженцев своими собственными глазами. Мы слышали, кто, что и как проповедовал, встречались с пакистанскими военными. Помните, какими они были гордыми? Эти люди определяли власть в Пакистане, были ею. А что они теперь?

– О чем ты?

– О мужестве. Кое у кого хватило мужества изменить очень многое. Тридцать лет прошло, а мир не узнать. Лагеря беженцев, смертников!.. Вы хотите, чтобы это было и здесь?

– Ты не понимаешь причин.

– Так расскажите.

– Знаешь, в Курбан-байрам резали баранов всегда. Но это делали для того, чтобы накормить мясом бедных, голодных. Этот праздник часто был единственным днем, когда они могли вдоволь наесться мяса. А теперь барана режут, чтобы утолить жажду крови. Напугать. Пустота внутри нас, и с ней не справиться оружием.

– А как?..

– Словом. Теперь я часто собираю людей в маленькой мечети. Мы обсуждаем Аллаха, думаем, как хоть немного приблизиться к Нему и к образу Его. Если мне удастся хоть немного заполнить пустоту в людских душах, то я чувствую себя счастливым.

– Пророк Мухаммед воевал не только словом, но и мечом.

– Я уже сказал, что эту войну не выиграть мечом.

– Ошибаетесь. – Полковник покачал головой. – Именно мечом ее и можно выиграть. Вы лучше меня знаете, как Пророк отказался благословить землю Неджда, сказав, что именно из нее появится рог сатаны. Он уже трубит, и те, кто слышит его зов, встают под знамена сатанинской армии. Они идут по земле, где раньше были мир и согласие, оставляя за собой взорванные, разрушенные города, растерзанные людские души, ненависть и озлобление. Вы не хуже меня помните Пакистан. Во что он превратился?! Советский Союз строил там заводы. Теперь вместо них там медресе, а вместо честного заработка – гуманитарная помощь и Талибан. Я помню Багдад, каким он был при Хусейне, даже после поражения. Иракцы – сильные, смелые и честные люди. Теперь они, озверев, убивают друг друга.

Генерал только покачал головой и осведомился:

– И где ты собираешься размахивать мечом?

– В Пакистане.

– Конкретно?

– Долина Сват. Мы так думаем, но это может быть и любое другое место на племенной территории. Даже вне ее. Бен Ладен прятался в Абботабаде.

– А я? Ты не считаешь, что я слишком стар для меча?

– Мне нужен человек, который проникнет в долину и укажет на цель. Потом мы его эвакуируем.

– Туда невозможно проникнуть, иначе как поступив на обучение в один из лагерей.

– Именно. Мне нужен человек из местных, который хочет отомстить ваххабитам.

Генерал отрицательно покачал головой. В своей бурке он теперь походил на старого нахохлившегося ворона.

– Ты просишь слишком много.

Полковник достал из внутреннего кармана планшет, набрал код и передал его генералу.

– Два человека были захвачены в заложники бандитами, действующими в Пакистане. При этом они убили представителя исмаилитов, тоже правоверного мусульманина. Он хотел добра своей стране.

– Исмаилитам нельзя верить ни в чем.

– Да, но разве не грех, когда одни мусульмане хладнокровно убивают другого? Где здесь Аллах?

– Люди ожесточены.

– Только не говорите, что это все последствия бедствий и лишений. Если эти люди чего и лишены, так это совести и чести. Но есть и еще кое-что похуже. Прокрутите дальше. Это снимок одного из наших представителей. Айрат Сергеев наполовину русский, наполовину татарин, правоверный мусульманин. Они похитили его и угрожают отрезать ему голову, если мы не выплатим им пять миллионов долларов. Это поведение правоверных, страшящихся гнева Аллаха? Так и должны вести себя мусульмане? Вы же хаджи, скажите.

– Нет, так не должно быть, – ответил генерал.

– И как нам поступить? Выплатить им деньги? Вы не только мусульманин, но и кавказец, представитель уважаемого рода. Что в таком случае делать?

– Воевать, – сказал генерал.

– Взять в руки меч и сражаться. Разве джихад против отступников, настоящих негодяев – не благое дело?

Долина Сват, Пакистан, неконтролируемая территория

4 февраля 2015 года

Они не знали, что с ними происходит. Грохочущая машина и повязки на глазах – вот и все. Потом их перегрузили в какую-то другую машину, в которой было очень душно. Пленники едва не задохнулись от выхлопных газов. Они не знали, что эту машину бандиты специально приспособили для перевозки похищенных людей и нелегальных грузов. В ней был тайник. Через какое-то время машина остановилась, и бедняги почувствовали приток свежего воздуха.

– Выходи!

Сергеев вылезал вторым. В отличие от толстого и неприспособленного напарника он сумел сдержать себя. У Михальчука же были мокрые штаны, что вызвало радостный ржач боевиков. В глубине души они помнили британское владычество и боялись белого человека. Видеть его в стеснительных или затруднительных обстоятельствах было для них в радость.

– Сюда!

Свет резал глаза. Что происходит?!

– Только эти двое?

– Да, но за них много дадут.

– За этого жирного, если его продавать на вес, как бабу.

– Он русский.

– Вот как? Откуда они здесь?

– Шайтан принес.

– Не поминай.

– Ничего. Даст Аллах, мы скоро пойдем по их земле войной.

Сергеев и ухом не повел, хотя понимал многое из сказанного. Он знал пушту, пусть и не в совершенстве, но вполне прилично.

– Сколько за них будешь просить?

– Это мое дело.

– Я и не собираюсь падать в долю, брат, просто поинтересовался.

– Я пока не решил.

Проморгавшись, Сергеев увидел, что они где-то в горах, которые уступами поднимались к самому небу. Справа в промоине весело журчал ручей. Дорога, на которой не разминуться, катилась куда-то к небу.

Слева на скале было что-то вроде небольшой крепости четырехугольной формы, частично разрушенной. Он не знал, что это бывший военный аванпост Пешаварской стрелковой бригады. Он оставлен три года назад, после того как стало понятно, что удерживать его бессмысленно и невозможно.

Это и была граница Зоны племен. Есть в Пакистане такое уникальное территориальное образование, по сути – государство в государстве, не имеющее мировых аналогов. Зона племен настолько отделена от Пакистана, что для ее посещения нужны визы даже для граждан этой страны. Законы Пакистана тут действуют не полностью.

Зона племен состоит из десятка мини-государств, в каждом из которых имеются свой совет и шейхи, правящие тут. Порядок здесь устанавливается шариатом и местными нормами, входящими в кодекс чести, именуемый пуштунвали. В последнее время большое значение приобрели шариатские суды, организованные ваххабитами и опирающиеся на многочисленные банды, рыскающие в горах.

Бандитов было одиннадцать человек. Все бородатые, в чалмах, у троих из них черные повязки – символ непримиримых. Оружия не видно ни у кого, но у каждого на спине довольно большой рюкзак, и еще что-то нагружено на ослa. Переметные сумки-хурджины такие большие, что животных из-за них почти не видно. Наверное, оружие там или в рюкзаках. Очевидно, что налеты беспилотников сделали свое дело. Стволы открыто они теперь не носили, понимали, что такая группа, как они, с оружием – законная цель для удара.

Местный проводник отличался от всех пуштунской теплой безрукавкой. Он был настолько молод, что не носил ни усов, ни бороды. Парень стоял у своего ослa. Только у него при себе была винтовка. На автомат он, видимо, пока еще не заработал. А может, он ему не нужен. Охотиться с ним неудобно.

– Вставай сюда!

– Отпустите нас!

– Заткнись!

– Ай!..

Бандиты опять заржали.

– Не позорься, – сказал Сергеев негромко, но внятно.

Михальчук злобно посмотрел на него и с трудом встал. Люди постоянно переносят гнев на того, кто ближе всего к ним.

Один из бандитов выступил вперед.

– Вы слушай, да. Мы идти – вы идти. Мы сидеть – вы сидеть. Родственник платит – вы идти. Нет – вы без головы.

В отряде явно были бандиты с Кавказа или из бывших республик Средней Азии.

Сергеев проговорил шахаду – символ веры, заявил, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его.

Бандит смутился.

Амир подошел ближе к русским и спросил:

– Ты правоверный?

– Да, как и мой отец.

– Жив ли он?

– Да.

– А мой отец встал на джихад и стал шахидом на пути Аллаха. Если твой отец почитает Аллаха и боится гнева Его, то почему он не встал на джихад вместе с моим отцом? Почему ты сам не встал на джихад вместе с нами? Скажи, когда русские пошли против нас, хоть один тамошний мусульманин сделал джихад, чтобы нас защитить?

– А какой джихад делали вы? Против стариков и старух! Истинные мусульмане!

Амир не выдержал, ударил пленника, и тот упал.

– Тот из мусульман, кто не вышел на джихад, умрет как лицемер. А тот, кто имеет дело с неверными, и сам таков. Ты никакой не правоверный! Если скажешь хоть слово, я убью тебя.

– Я должен совершать намаз. Ты не можешь мне в этом отказать.

– У тебя нет на это права. Когда ты предстанешь перед Аллахом, Он отвернется и плюнет, увидев тебя. – Амир сделал раздраженный жест и приказал: – Поставьте их на ноги! И пошли!

От Сергеева не укрылось, как переглянулись боевики за спиной амира.

Долину Сват можно назвать пакистанской Швейцарией. Даже сейчас, не в лучшие для нее времена, она была прекрасна. Ее окружали горы, но не слишком высокие. В них было достаточно родников, поэтому склоны поросли кустарником и мелкой горной сосной. Речки, журча, катились по камням и впадали в озера, в которых водилась рыба.

Дорог здесь было немного, а техники еще меньше. Автомобилями владели считанные единицы местных жителей. Куда более распространенным транспортным средством был дешевый мотоцикл китайского производства, которому не нужна широкая дорога. У кого не было денег на бензин, те передвигались на ослах.

К горам ласточкиными гнездами лепились поселения земледельцев. Трудолюбивые люди, не разгибая спины, трудились на полях-террасах точно так же, как это делали их отцы и деды.

В этих местах было много детей, которые с любопытством следили за медленно продвигающимся караваном. Босоногие, примитивно одетые – они были будущим.

Двадцать первый век уже был здесь в виде многочисленных лагерей боевиков да ударов беспилотников-дронов, дежурящих в воздухе. Проходя через крупные селения, пленники несколько раз видели дома, пострадавшие от ударов с воздуха, – опаленные камни, пробитые крыши, иногда и просто развалины. Замечали они и высоченные пики, вкопанные в землю, на которых развевались зеленые или черные вымпелы – указание на то, что здесь погибли правоверные, и обещание отомстить.

Боевики вставали на намаз, но делали это только дважды – утром и вечером. Такая была новая мода среди ваххабитов, ведущих джихад.

Сергеев еще раз попросил позволения совершить намаз, но боевики по приказу амира избили его. Отвесили они и Михальчуку – просто так, чтобы не скучал. Единственно, что во всем этом было хорошего, – пока боевики совершали намаз, пленникам удалось справиться с нуждой.

Они шли дальше, углубляясь в долину Сват. Иногда их обгоняли мотоциклисты, некоторые показывали знак ислама – указательный палец вверх. Боевики обычно не отвечали, а шли дальше. Время от времени они останавливались, чтобы амир мог переговорить со встречным человеком.

Горы. Ущелья. Военный отряд на дороге. Рабы. Это был двадцать первый век от Рождества Христова, четырнадцатый век хиджры. Таким ли он виделся людям, жившим в минувшие века?

Через некоторое время они пришли в какой-то населенный пункт. Это было нечто среднее между городом и деревней. Дома тут уже мостились и на склонах гор, потому что в долине им не хватало места. Улицы, пусть и не асфальтированные, были относительно чистыми. То тут, то там раздавался стук дизель-генераторов. На крышах многих домов виднелись тарелки спутниковых антенн.

Машин здесь было мало – куда на них ездить-то? – зато полно мотоциклов, самых разных, от совсем уж дешевых до китайских копий спортбайков. Они весело трещали, наполняли воздух сизым дымком. Вся местная молодежь, когда у нее заводились деньги, первым делом покупала мотоцикл. Новенький китайский мог стоить меньше тысячи долларов.

Почти все мужчины здесь были вооружены. Никакой полиции видно не было. Ее и не могло быть. В Зоне племен функции полиции выполняло ополчение, подконтрольное шейхам, а не федеральному правительству. Зона племен была государством в государстве.

Бандиты вошли в селение и почти сразу остановились. Амир трижды постучал в ворота, аккуратно выкрашенные зеленой краской. За ними скрывался довольно богатый дом. Об этом говорили и высота забора, и шум дизель-генератора, раздававшийся внутри.

Дверь открылась, бандиты и их пленники вошли во двор, оказавшийся большим и просторным. В нем росли кусты терновника и акации. На посыпанной щебнем стоянке у ворот стояли два внедорожника. Где-то рядом блеяла коза. Сам дом тоже был большим, широким. Несмотря на стесненность, здесь строили жилье всегда в один этаж, больше – только в городах, где когда-то правили англичане. На плоской крыше красовались аж две спутниковые тарелки.

Человек лет шестидесяти, седобородый, статный, еще сильный и уверенно стоящий на земле, вышел из дома и направился к отряду. Его сопровождали двое молодых мужчин, один чисто выбритый, другой с бородой, оба вооружены автоматами «АК-47».

– Я приветствую вас в моем доме, – сказал шейх, подойдя ближе.

– Да пошлет Аллах удачу вашему дому, уважаемый Джавад-хаджи, и да приведет Он в порядок дела ваши, – поговорил амир аль-Усман. – Мы идем издалека. Путь наш был долог и труден. Позволь же мне и моим людям воспользоваться вашим гостеприимством, которое славится по всей долине, а потом, иншалла, мы пойдем дальше.

– Ворота этого дома всегда широко открыты для гостей. Мы чтим традиции пуштунов, – ответил шейх. – Вы найдете здесь и стол, и кров.

– Аллах да подсчитает твою доброту, хаджи. У меня есть еще два раба, их тоже надо куда-то поместить. Если для них найдутся объедки с кухни, то я буду очень благодарен.

– Ты можешь воспользоваться овчарней на задах моего дома. Там сейчас никого нет, – сказал шейх. – Что же касается объедков, хвала Аллаху, у нас достаточно и нормальной еды. Всевышний не оставляет нас в лишениях и щедро наделяет своей милостью.

От внимания Сергеева не укрылось, что шейх был явно недоволен тем, что в его дом привели рабов, возможно, и самим фактом появления таких гостей. Но отказать в гостеприимстве он не смел.

Хозяин уже шел к дому, а пленника кто-то толкнул в спину и скомандовал:

– Пошел!

Овчарня представляла собой помещение, сложенное из камня, высотой примерно метр тридцать, может, чуть больше. Стены были толстые, крыша сделана из чего-то вроде сухого камыша. Внутри пахло духом животных и овечьим навозом.

– Пошел!

Пленников пинками загнали внутрь и веревками привязали к железным кольцам, вделанным в стены. Боевик, который сделал это, напоследок отвесил им по пинку. Он был явно раздражен тем, что его заставляли работать. После чего бандиты, весело переговариваясь, пошли к дому.

Сергеев первым делом подергал веревку. Крепкая, конечно, но в ней нет стального сердечника. Да, ее можно перетереть, а что потом? Кругом чужая земля. Только в фильмах главный герой лихо совершает побег. На деле у них нет ни карт, ни специального снаряжения, ни оружия, ни знания местности, ни навыков альпинистов, чтобы выбраться из долины, вообще ничего. Местные тотчас устроят охоту на них. Они-то уж точно имеют все, что для этого нужно.

Остается только одно – ждать и попробовать расколоть боевиков. Сергеев видел, что с действиями амира согласны далеко не все. Даже шейх недоволен.

Он повернулся на спину. Руки тянуло, но навоз, смешанный с чем-то вроде сена, был плотным, мягким и теплым. Если не обращать внимания на вонь – постель ничуть не хуже другой.

«Время у нас есть. Это у боевиков его немного, – подумал Сергеев. – Я неплохо знаю тех людей, которые послали меня сюда. Они будут искать нас. Важно с самого начала правильно поставить себя. Если ты позволяешь каким-то бандитам похищать своих людей и платишь за них выкуп, то уважения к тебе не будет».

Тут он вдруг услышал какие-то всхлипы. Михальчук плакал.

– Они не убьют нас, – сказал Сергеев. – Не сейчас. Мы им нужны.

– Подонок!

– Бывает и хуже.

– Ты подонок!

– Я?

– Ты это все устроил! Пакистан! Господи, зачем я только поехал сюда?

– Наверное, за деньгами.

– Да мне плевать на них! Как нам теперь отсюда выбраться?

– Пока не знаю. А ты думал, премию в размере оклада просто так платят?

– Да пошел ты!.. Ты такой же, как и они, понял?

– Заткнись! – сказал Сергеев.

Михальчук еще что-то говорил, но он уже не слушал его, думал о том, что будет дальше, просчитывал, как повернуть ход событий в нужную сторону.

Конечно, шила в мешке не утаишь. О том, что в караване, который ведет аль-Усман, есть пленники, один из которых правоверный, местные жители узнали очень скоро.

Телевизор здесь был не у всех. Обмен информацией происходил на рынке, а также в мадафе. Это нечто вроде кафе при мечети, где правоверные могли собраться после намаза и переговорить о том о сем, попивая чай со сладостями. Там не было мебели, только что-то вроде подиумов высотой примерно с метр, чтобы сидеть на них. Здесь могли проводить целые дни те обитатели селения, которым по каким-то причинам нечем было заняться. Когда приходило время, они тут же и молились, совершали намаз.

Как только бандиты расположились на постой в доме шейха, амир взял двоих людей для охраны и ушел. Спрашивать, куда именно он направился, было бы очень большой ошибкой.

А почти все люди аль-Усмана тут же пошли в мадафу. Они долгое время находились на дар уль-харб, земле войны, испытывали серьезный стресс от этого, питались чем попало, бывало, что и запретным, жили впроголодь, в любой момент могли погибнуть в схватке с полицией или армейскими подразделениями. Поэтому, оказавшись здесь, на неконтролируемой территории, бандиты поспешили в мадафу.

Там их, конечно же, накормят и напоят бесплатно. Они найдут благодарных слушателей своих историй. Здесь же те мусульмане, которые не участвуют в джихаде, смогут дать им немного денег или какой-нибудь подарок. Такое благодеяние, несомненно, им зачтется на суде Аллаха.

Слушателей они, разумеется, нашли. Это были местные жители от двенадцати до тридцати лет. Они тусовались здесь потому, что у многих из них не было и не предвиделось работы. За службу в бандах боевиков платили, причем немало, разумеется, по местным меркам. Она была единственным способом выбраться из долины в большой и яростный мир. Жестокие схватки кипели совсем неподалеку.

Но были здесь и дети местных богачей. Их джихад заключался в общении на салафитских форумах. Эти герои тоже были рады пообщаться с братьями, которые сражались с неверными в реальности, а не в виртуальном мире Интернета. За это они готовы были заплатить богатым угощением и садакой, то бишь некоторой суммой денег на джихад, чтобы поддержать борцов за веру. Обе стороны нуждались друг в друге и встречались именно здесь, в мадафе.

Братья нашли себе слушателей. Под восторженными взглядами и при почтительном молчании они рассказали о том, как пошли на подвиг, как прятались на съемной квартире, как стал шахидом их брат, который взорвал машину рядом с бойцами антитеррористической полиции. Все это герои, разумеется, немного приукрасили, но кто без греха.

– И сколько вы убили неверных? – жадно спросил один из молодых парней, слушавший рассказ бывалых бойцов, буквально раскрыв рот.

– Много, – лениво ответил один из боевиков. – Наверное, с сотню, никак не меньше. Это был большой отель, и его охраняли. Там были важные неверные. Они встречались с местными исмаилитами по своим делам. Мы двоих взяли с собой, чтобы получить за них выкуп. У нас хороший амир, слава Аллаху. Он всегда берет пару пленников, чтобы взять деньги за них. Так и надо делать. Один из заложников даже сказал, что он правоверный.

Вот и все. Ведь слово не воробей.

– Как это правоверный? – спросил один из молодых людей. – Разве такое может быть?

– Не думай об этом, – расслабленно сказал боевик, попыхивающий косяком. – Если ты не знаешь, то я скажу тебе, что те мусульмане, которые не вышли на пути Аллаха, еще хуже, чем неверные.

Боевики расслабились от обильной еды и забитых косяков. Они не заметили, что далеко не всем из тех, кто собрался вокруг них, понравились эти слова.

Один из молодых людей, племянник шейха Джавада, побежал в дом и нашел его. Дядя что-то писал, но, увидев племянника, снял очки и обратился в слух. Молодой человек пересказал ему в точности то, что говорили боевики.

Шейх помрачнел.

– Вот так, уважаемый дядя, – закончил свой рассказ племянник. – Это все я слышал собственными ушами. Пусть Аллах покарает меня, если я солгал.

Шейх пригладил бороду.

– А сам ты что об этом думаешь, Бейтулла? – спросил он. – Ты ведь собираешься присоединиться к джихаду. Скажи свое мнение, я слушаю.

Бейтулла отрицательно покачал головой.

– Я думаю, что это грех, дядя. Во-первых, эти люди приехали в нашу страну не с оружием, как американцы, а с миром, если я правильно понял. Значит, украсть их означает нарушить законы гостеприимства. Во-вторых, если наши гости и в самом деле украли правоверного, то они совершили еще один грех. Упорствуя в нем, эти люди вызовут еще больший гнев Аллаха. Поднять руку на правоверного и назвать это джихадом!.. Нет, так поступать нельзя.

Шейх снова надел очки и заявил:

– Да, ты прав, Бейтулла. В Коране сказано, что если мы пойдем по пути греха, отринем от себя законы шариата или будем думать, что какие-то из них надо соблюдать, а другие нет, то Аллах пошлет на нас неверных. Он даст им большую силу, чтобы они могли проникнуть в наши жилища и истребить нас. Именно это сейчас и происходит в соседней стране, а наш гость делает все, чтобы то же самое наказание постигло и нас всех, живущих здесь. – Шейх

помолчал, потом снова заговорил: – Когда пойдешь домой, загляни к Забибулле и скажи, что я хочу его сегодня видеть.

– Хорошо, дядя.

– Иди с миром. И твоему отцу, как он придет, скажи то же самое.

Аль-Усман, военный амир, в секретных досье НАТО обозначался как AQ-Crusader. Первые две буквы являлись кодом группировки, в данном случае – Аль-Каиды. Дальше шла оперативная кличка. Crusader, то есть Крестоносец – страшное оскорбление для мусульманина, но тут уж ничего не поделаешь. Такое прозвище выбрал компьютер, не отличающийся особой религиозностью.

Амира сопровождали двое надежных братьев. Один русский из Нягани, принял радикальный ислам. Второй татарин из Казани, из богатой семьи. У родителей хватило ума послать сына учиться в исламский университет в Каире. Аль-Усман доверял им безгранично, потому что оба были не местные и зависели только от него.

Под охраной этих ребят амир добрался до неприметного дома, стоявшего в центре селения. Опытному человеку бросалась в глаза разве что необычно большая площадь крыши. Она покрывала не только дом, но и часть двора, составляя навес на столбах. В Европе так часто строят открытые гаражи для машин, но здесь в этом не было никакого смысла.

Дверь открыл мальчик лет десяти, увидел бородатых вооруженных мужчин и старательно произнес положенное приветствие.

– Здравствуй, маленький брат. Дома есть кто-то из старших?

– Сейчас позову.

Мальчишка убежал и через пару минут вернулся вместе с братом, одетым как пуштун – широкие штаны, рубаха, безрукавка, шапочка-паколь. Необычными были только очки, круглые, как у Гарри Поттера.

– Играй, Садык.

Мальчишка бросился бежать, а его брат подошел ближе к амиру, телохранители которого остались на улице. Вход сюда был разрешен не всем.

– Салам!

– Салам! Где Реза-устада?

Они общались не на пушту, а на арабском, который в этих местах употреблялся в разговорах все чаще. Парень в очках – немного шепеляво выговаривал слова. Таков был акцент сирийских братьев, вместе с которыми он сражался, когда принял ислам и встал на джихад. Оттуда теперь приходили многие бойцы за веру.

– Он уехал в горы. Сказал, что вернется завтра, никак не раньше.

Аль-Усман кивнул.

– Я хочу сказать ему это сам, но должен скоро идти дальше. Если Реза-устада вернется позже, чем я приеду, сообщи ему, что волей Аллаха дело, о котором я говорил, свершилось. Этот нечестивец наконец-то подох и получает в аду то, что ему положено. Многие поганцы, которые охраняли его, проследовали туда за ним. Аллаху акбар.

– Да, брат. Я уже знаю, смотрел в Интернете. Тебя объявили в розыск, дороги перекрыты. Мы все здесь молились за тебя и твоих моджахедов.

– Эти нечестивцы никогда не смогут меня поймать без воли на то Всевышнего. Ты не слышал, дорога дальше открыта?

– Да, пока все спокойно, брат.

– Тогда я уйду завтра. Да хранит тебя Аллах, брат.

– И тебя, брат. Да будет с тобой Аллах.

Амир уже хотел идти, но тут кое-что вспомнил, повернулся и сказал:

– Да, брат, я с этого дела взял двух рабов из числа неверных. Хочу получить за них выкуп. Пришли кого-нибудь с камерой, надо записать обращение.

– Братья ушли с Резой-уладом, – сказал брат в очках. – Но камера есть. Я сам к тебе приду, как только закончу здесь.

– Да воздаст тебе Аллах!

Пленные так и лежали в овчарне, пока не стемнело. Потом пришли боевики с фонарями, развязали веревку и приказали им вылезать. Сами столпились у выхода с автоматами. Они были пьяны, веселы, многие обкурились и не собирались утруждать себя, лезть в овчарню. Бандиты перебрасывались между собой словами, которые совсем не к лицу правоверному. Но рядом не было никого, кроме Аллаха и таких же людей, как они. Указать им на это никто не мог.

– Иди, неверный!

Михальчуку опять было хуже. Все-таки местные инстинктивно понимали, кто сильнее, таких могли убить, но уважали, пусть даже врагов. К тому же Сергеев сказал, что он правоверный, и братья не желали подвергать свою судьбу лишним испытаниям даже спьяну.

Михальчук же был толстый, неприспособленный к жизни и уже проигравший, даже несмотря на то, что его никак и не ломали. Один из боевиков под одобрительный гогот других пнул его по пятой точке. Когда тот неловко упал, все заржали еще громче. Сергеев услышал слово «маниук» – педераст.

Это была слабость, которую сам Сергеев никогда не понимал и не признавал. В начале срочной службы его хотели «прописать» деды. Так этот тощий чернявый нацмен бросился на них и прокусил одному вену на руке. Его избили, но это был первый и последний раз. Больше деды к нему не докапывались. Это были здоровые увальни, гордые самими собой и полутора годами службы, но никто из них не хотел иметь дело с психом. Такую кличку ему и дали. С тех пор он был вне полуофициальной казарменной иерархии. Этот урок Сергеев запомнил на всю жизнь – не будь слабым!

Слабость была причиной всех бед. Из-за нее мы проиграли в Афганистане, хотя вполне могли и победить. Развалилась сверхдержава, наводившая ужас на половину мира. Не важно, насколько она была грешной, – все были не без греха. Важно то, что мы не проиграли войну, врага не было в столице страны. Просто мы честно признались, что больше не можем нести такую ношу, и пошли на условия, продиктованные противником, – все до единого.

Пленников привели в какую-то комнату, расположенную в большом доме. У нее был отдельный вход, и она, видимо, использовалась для хранения мешков с провизией. Боевики уже освободили одну стену и повесили на нее черный флаг с белой шахадой на нем: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Какой-то очкарик в натовской куртке, наброшенной на плечи, установил на штатив бытовую видеокамеру и сейчас возился, настраивая свет.

Здесь же был и амир. На мешках лежали два автомата, сабля и свернутый ковер. Реквизиты для нехитрого театрального действия.

Увидев пленных, амир сказал очкарику:

– Быстрее! У тебя все готово?

– Плохой свет, – ответил тот.

– Это не важно. Снимай!

Боевики расстелили ковер под флагом. Двое в масках взяли оружие и встали по обе стороны флага, создавая массовку.

– Быстрее. Ставьте их сюда! На колени!

– Какой ты правоверный, если ставишь брата на колени? – упрекнул амира Сергеев.

– Замолчи! Иначе я отрежу тебе язык. Все готово?

– Да. – Очкарик занял место за камерой.

Амир взял саблю и приказал:

– Снимай!

На камере загорелась красная лампочка, очкарик показал большой палец.

– Я, амир аль-Усман, моджахед и раб Аллаха, взял этих людей в плен при проведении военной операции. Они приехали в Пакистан, чтобы оказывать помощь местным отступникам и нести зло мусульманам. Это шпионы! – Амир говорил скороговоркой, глотая концы слов. – Нападая на народ Аллаха, оскорбляя и унижая его, вы причинили нам вред. Чтобы компенсировать его, я требую десять миллионов американских долларов, по пять за голову каждого из этих нечестивых. Если за тридцать дней вы не соберете деньги и не привезете их в Пакистан, то мы принесем этих неверных в жертву Аллаху. Это будет не месть, а только лишь правосудие именем Всевышнего. Если же кто-то из вас попытается забрать этих презренных животных силой, то они будут принесены Аллаху немедленно. Тех, кто придет сюда с оружием, постигнет та же участь. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его!

Брат, стоявший за камерой, резко опустил руку.

– Нормально?

– Да, можешь посмотреть.

Амир подошел, просмотрел ролик на откидном экране.

– Спасибо, брат. Перекинь на флешку, и пусть тобой будет доволен Аллах. А этих неверных верните обратно, пусть сидят в овчарне.

– Да, эфенди! – Старший из боевиков почтительно склонил голову.

Они подняли пленных и пинками погнали их на выход.

Уже на улице Сергеев отчетливо сказал:

– Вы думаете, что идете по пути Аллаха, но ваша тропа ведет вас напрямиком в ад, к дереву зам-зам. Аллах не даст вам спасения, ваше пристанище в огне.

– Что ты сказал?!

Невысокий боевик, который говорил по-русски, подскочил и изо всех сил ударил Сергеева прикладом. Тот упал. На него немедленно набросилась вся стая и принялась пинать.

– Что происходит? – спросил амир, вышедший из помещения на шум и крики.

– Этот неверный оскорбил Аллаха, произнес Его имя! Он сказал, что наша дорога ведет напрямиком в геену!

Амир хмыкнул.

– Поднимите его.

Сергеева подняли, амир подошел ближе.

– Я говорил тебе о том, чтобы ты не смел осквернять имя Аллаха, произносить его вслух. Ты неверный, а если когда-то и был мусульманином, то давно предал истинную веру!

– Кто ты, чтобы судить об этом?

– Клянусь Аллахом! – сказал амир, доставая нож. – Свои деньги я все равно получу, будет у тебя язык или нет.

– Как ты смеешь лить кровь в доме, где тебе предоставили приют! – раздался громкий и уверенный голос.

Амир резко развернулся. Между домом и дувалом стоял шейх Джавад, а за ним – боевики, вооруженные автоматами. Это был отряд ополчения племени, шейхом которого был Джавад. Этих боевиков оказалось столько, что с того места, где стоял амир, невозможно было сосчитать их всех по головам.

– Это мой пленный! – нагло сказал амир. – Мне решать, что с ним делать.

Вождь племени покачал головой.

– Это не пленный. У тебя не может быть пленных, ты просто украл человека. Ты не воин, а убийца и бандит. Ты и в самом деле не идешь по пути Аллаха. Тропа, по которой ты шагаешь, ведет в ад, напрямиком к дереву зам-зам.

– Что ты знаешь о джихаде, старик?! – крикнул амир, стараясь произвести впечатление скорее не на шейха – его-то голосом не проймешь, – а на тех воинов, которые стояли за ним, сжимая в руках винтовки и «калашниковы». Они были молоды, но лица их оставались непроницаемыми, суровыми.

– Я знаю то, что двое из моих сыновей вышли на пути Аллаха, и сейчас они шахиды. Но мы не добились ничего, кроме горя и страданий. Это все потому, что Аллах наказывает всех нас за таких негодяев, как ты.

Амир понял, что так ничего не добьется.

– Посмотри на этого неверного! – крикнул он, показывая на заложника. – С чего ты взял, что он правоверный? Этот негодяй говорит, что хочет делать намаз, чтобы поиздеваться над нами, теми, кто искренне верит. Он не хочет, чтобы ему отрезали голову, но, оставшись наедине со своими шайтанами, оскорбляет Аллаха и смеется над Ним!

– Ты настоящий отступник, – сказал вождь. – Избиваешь человека за то, что он хочет обратиться к Аллаху. Воистину такую мерзость делают лишь худшие из неверных. Только то, что ты мой гость, останавливает меня от того, чтобы выгнать отсюда тебя и твоих людей прямо сейчас. Но я напоминаю тебе, что, согласно шариату, путник вправе пользоваться гостеприимством любого дома три дня. Два из них уже прошли, сегодня третий. Поэтому завтра ты покинешь этот дом и пойдешь дальше. А если за оставшееся время ты совершишь еще какую-нибудь мерзость, то я напому тебе, что гость неприкосновенен только до того, как виден дом, который он покинул. А мои люди, хвала Аллаху, умеют ходить по горам гораздо быстрее, чем твои.

– Ты не прав, шейх, – сказал амир, чтобы спасти хоть часть своего достоинства.

– Возможно. В любом случае Аллаху ведомо лучше. Он рассудит нас, когда придет срок. Думаю, для тебя он наступит уже скоро. – Шейх посмотрел на пленного мусульманина и сказал: – Ты можешь совершить намаз вместе с нами. Если ты хочешь обратиться к Аллаху, то тот негодяй, который откажет тебе в этом, откроет себе путь в ад.

– Он сбежит! – крикнул амир.

– Он не сбежит. Здесь некуда бежать.

Брат в круглых очках стоял в дверях помещения, где проходила съемка, внимательно смотрел и слушал.

Двор дома, в котором находилась явка Аль-Каиды, был почти полностью закрыт навесом из ржавых стальных листов, укрепленным на толстых подпорках. В другой его части целыми днями играли дети. Все это преследовало одну цель – защититься от атак беспилотников. Обитатели поселка получали деньги за то, что отпускали сюда своих мальчиков. Жители этого дома знали, что у американцев есть свои правила. Они не нанесут удар по подозрительному объекту, если там находятся дети.

Невысокий, даже щуплый, брат в очках вышел из дома, выбил из пачки сигарету, нервно закурил. Ислам запрещал курение, оно считалось грехом, но здешние умники полагали, что Аллаху не видно то, что происходит под крышей.

Он курил «Житан», крепкие французские сигареты, к которым пристрастился еще подростком в Париже. В двадцать шесть лет молодой человек выехал в Сирию и встал на джихад. Сейчас ему было двадцать девять, и он из простого боевика превратился в оперативника Аль-Каиды. При рождении родители дали ему имя Жан-Мишель, но сейчас он называл себя Абдаллахом.

Абд Аллах. Раб Аллаха.

Чуть в стороне у ворот стоял амир Реза, только что совершивший поездку в один из лагерей боевиков.

Он увидел Абдаллаха, подошел поближе и сказал:

- Салам! Почему ты такой унылый, брат? Ведь уныние – это грех, тем более в нашем деле.
 - Вернулся аль-Усман. Он сделал то, о чем говорил.
 - Вот и хорошо. Тогда чем ты так озабочен?
 - Он зачем-то привел сюда двух пленников, сказал, что хочет взять за них выкуп.
 - Это его дело. Пусть берет. Заодно и наша казна пополнится. Разве это не хорошо?
 - Да, но один из пленников говорит, что он правоверный, несмотря на то что русский.
- Реза нахмурился и спросил:
- Ты говорил об этом с аль-Усманом?
 - Да, он сказал, что тот никакой не правоверный, среди русских нет таковых. Вот только

по пути он избивал пленника и не давал ему совершать намаз. Это увидел шейх Джавад и прилюдно обозвал аль-Усмана отступником и бандитом. Он даже собирал совет, чтобы обсудить это. Его участники пришли к выводу, что совершен грех. В мадафе уже говорят точно так же. Слухи идут, и это очень плохо.

Реза кивнул. Да, это действительно очень плохо. В долине Сват работали не менее двухсот лагерей, в них обучались военному делу самые разные люди. Местное население относилось к ним сдержанно. Наличие такого количества чужаков доставляло ему серьезные неудобства.

Дело спасало то обстоятельство, что будущие бойцы за веру платили за все, много покупали и являлись серьезным источником денег для жителей долины. Кроме того, они были воинами Аллаха, моджахедами, бойцами за веру. Обидеть их было серьезным грехом.

Но Реза хорошо понимал кое-какие вещи, которые видели далеко не все амиры. Ведь многие из них были родом из других стран.

Основа всего в этих местах – племенной совет и барадари, братство мужчин, а не мечеть, не община верующих. Пойдут слухи о том, что такие вот чужаки, как они, никакие не правоверные, а просто бандиты, да еще и творят грех. Рано или поздно кто-то недовольный, а такие всегда найдутся, поднимет вопрос на племенном совете. Если там примут решение изгнать пришлых с Земли племен, то это кончится для них очень и очень плохо.

– Я поговорю с аль-Усманом об этом, – сказал Реза. – Так нельзя поступать. Спасибо, что предупредил меня, брат.

– Это не единственное его преступление, амир. Он жесток не во имя Аллаха, а просто так. Это очень плохо.

– А вот тут ты не прав, брат. – Амир похлопал молодого моджахеда по плечу. – У каждого из нас свой джихад и свое поле битвы. У тебя это Интернет, видеокамера, проповедь. Он делает джихад с автоматом в руках. И твое, и его дело важны и нужны для победы.

– Он украл этих людей не ради Аллаха, а всего лишь желая набить собственный карман. Аль-Усман избивал этого человека не от усердия в вере.

– Ты снова не прав, брат. Я уже вижу будущие битвы. Нам потребуются твоя хитрость и умение убеждать, но и жестокость таких людей, как Усман. Сказано, что джихад нужно нести на лезвии меча, и мы будем поступать так, нравится это кому-то или нет. Для неверных есть только три выхода: принять ислам, платить выкуп за жизнь или умереть. Чтобы установить шариат на землях, где его никогда не было, нам надо будет проявить очень много жестокости. – Амир легко подтолкнул молодого брата в плечо. – Иди работать. И бросай курить. Иначе Аллах накажет тебя тяжелой болезнью, а ты нам нужен.

Киев

6 февраля 2015 года

По пути из Махачкалы он сделал остановку в Киеве. Полковник летел в Лондон, чтобы оттуда отправиться в Исламабад.

Киев ему нравился. Он и сам не мог понять почему. Что-то в этом городе было. Он не походил ни на шумную, суетную и злую Москву, ни на надменный имперский Петербург, ни на крутой Екатеринбург, ни на новую, блестящую глянцевым блеском Казань. В этом городе, стоящем на берегу реки, было что-то мягкое, домашнее. Киевские коты, таинственные и важные, дворики, лепнина зданий, шумные, но почему-то не злые улицы.

Он никогда не забывал, что в Киеве у него была первая любовь. Они учились в Крыму, в особом закрытом центре, и по пути в Москву за назначением остановились в этом городе. Если бы он выбирал место, где можно коротать старость, то остановился бы именно на Киеве.

Увы, дожить до старости им всем было не суждено. Он помнил страшную цифру. Из всего их потока в живых на данный момент оставалось восемь человек.

Из Борисполя он взял такси. Летя по трассе, полковник наблюдал приметы нового времени – коттеджи там, где раньше были поля и леса, рекламные щиты. Украина жила хуже, чем Россия. Со временем этот разрыв увеличивался, но он касался только простого народа. Не элиты.

Иногда он думал о том, что все они прокляты. Все их поколение. И этот счет – восемь из более чем сорока человек – наказание, вполне заслуженное ими. Все они были оружием. Сверхдержава выковывала из них стальные клинки на страх врагам. В Крыму им внушали, что их жизни ничего не значат. Все мечты, стремления, желания – ничто перед сухими словами приказа. Но когда страна без крика, только тихо вздохнув, начала разваливаться на части, кто из них сделал хоть что-то, чтобы предотвратить это?

Ничего.

В Киеве жил Лазарь – старший их группы. Тогда говорили «староста». В отряде кличка у него была Лаз. Коротко и просто, в спецназе не любят длинных прозвищ. Он был вторым. Первый, Мулла, пропал в водовороте гражданской войны в Таджикистане, и больше о нем никто ничего не знал.

Водила, типично русский, усаженный, обернулся и уточнил:

– Куда?..

– На Крещатик.

Он никогда заранее не говорил водителям, куда надо ехать. Дураков нема.

На Крещатике полковник вышел и дальше двинулся пешком. Эта улица чем-то напоминала Арбат, но была мягче. Здесь не замечалось истинной московской готовности ожесточенно сражаться за свой кусок всегда и везде. Он шел по пешеходной дорожке, рядом с машинами, иногда останавливался, чтобы взглянуть на витрины. Пока чуйка – верная подруга, не раз выручавшая его, – молчала вглухую.

На противоположной стороне улицы стоял какой-то палаточный лагерь, обвешанный всякими разными призывами. Это еще одно отличие от Москвы. Там сразу разогнали бы. Ему было смешно. История не пишется на белой тряпке красной краской. Она пишется кровью. Все эти столицы новообразованных государств были какими-то смешными и жалкими, несерьезными, прямо как комедиант провинциального театра.

Он сел в маршрутку, проехал несколько остановок, сошел, сунулся в метро, выскочил из него как ошпаренный и перебежал дорогу. Он опасался хотя бы потому, что на Украине был в розыске. По чужим документам, конечно, и по давнему делу, но ведь был.

Лазарь жил в старом киевском дворе, том самом, с аркой, кошками и каштанами. Дверь в подъезд была узкой и громко хлябающей. Лифт – совершенно безумный, с дверкой, которая открывалась вручную, и такого размера, что на нем можно ездить только с девушкой. С дамой ты в кабинке уже не поместишься.

Ему вспомнилась Марина, но он отогнал от себя этот образ.

На третьем этаже визитер нажал на кнопку звонка, одного из четырех, укрепленных у обшарпанной двери. Ничего, только где-то замяукала кошка. Он позвонил еще раз, услышал тихий свист, повернулся. Лазарь стоял между третьим и четвертым этажами, направив на него ствол с лазерным прицелом.

Он медленно поднимал руки.

Лазарь не изменился, несмотря на то что ему уже стукнуло под пятьдесят. Он был на два года старше гостя. Этот невысокий, сухой в кости человек умел ходить абсолютно бесшумно. Все прочие пытались перенять у него это искусство, но так и не смогли.

В отличие от визитера Лазарь нырнул на дно, в тину, переехал из Львова в столичный Киев, занялся каким-то мелким бизнесом. Полковник слышал, что его кинули, и он теперь чуть ли не нищенствует.

Поверить в то, что Лазаря кинули, было невозможно. Как и все они, он был слишком смертоносен и умел чересчур многое, чтобы оставить обидчиков в живых.

Ведь автомат – далеко не главное их оружие. Это после Афгана пошла профанация спецназа, и он стал похож на обычную пехоту, только очень хорошо подготовленную. Спецназ – это люди, умеющие подобраться незаметно. Их учили делать яды, бомбы из шампуня, пачки кухонной соды, газового баллона. Выводить из строя машины так, что потом ни одна экспертиза это не установит. Их учили убивать тихо, незаметно и растворяться в суете городских улиц.

Они были абсолютным оружием. В особый период их предполагалось забросить на территорию противника с целью ведения террора, уничтожения жизненно важных объектов и деморализации тыла. Кто-то очень умный решил, что вражеский солдат будет хуже сражаться, если узнает, что в тылу умирают его родные, там всюду гуляет смерть. Правда, воплотиться в жизнь этим планам не удалось. Великий бой не состоялся. Один из полководцев просто спился и бросил перчатки. Коммунизм они сменили на пакетики сока «Зуко» и жвачку «Стиморол».

Лазарь положил на стол кусок сот. Мед в них был темным, густым.

– Будешь?

– Откуда?

– Да так, добрые люди прислали.

– Нет.

Об стол стукнулась бутылка с горилкой.

– Ты извини. Мне еще больше суток в самолете...

Лазарь убрал горилку.

– Слушаю.

– Надо собрать группу. Четыре человека.

Именно таким был минимальный состав разведгруппы.

– И все?

– Все.

Лазарь покачал головой.

– Я даже не спрашиваю, зачем это надо.

– Придется кое-кого вытащить.

– Откуда?

– Оттуда.

Для них, афганцев, слово «оттуда» могло означать только одно.

– И все?

– Все.

– Я даже не говорю тебе, как это глупо.

– Так скажи. А я послушаю умного человека.

Лазарь пожевал губы. Это было нервное, присущее ему движение.

– Что вам там, на хрен, надо, а?..

Тут полковник вдруг резко бросил коробок спичек, который держал в руках, и Лазарь ловко его поймал. Это при том, что гость швырял его из-под столешницы.

– Нам с тобой мирной жизни не будет, – сказал полковник. – Себя не обманывай. Знаешь, что я понял за все то время?.. Мы там подышали за то, чтобы вот этого дерьма просто не было. Если ты не идешь на войну, то она идет к тебе.

– Мы пока не воюем.

– Пока. Дай только срок. – Полковник положил на стол пластиковую карточку. – Здесь сто штук. Код два семь два ноль. Свяжись с Капитаном. Ваши дела я знаю. Людей найдете. Идите через Карачи. В Пешаваре я изыщу возможность встретиться с вами.

Полковник нарисовал на скатерти адрес электронной почты. При этом он не снимал колпачка с ручки – задачка на наблюдательность. Там, в Крыму, они должны были читать по губам и запоминать газетный лист до последней запятой.

– Запомнил?

– Да.

– По деньгам не обижу. Кто пойдет – столько же.

– Откуда ты знаешь про Капитана? – вдруг спросил Лазарь.

– Не важно. Про ваши дела в Аденском заливе, про наемников в Сирии, в Ираке – кому надо, тот знает. – Полковник наклонился вперед и сказал: – Надо дружить, Лазарь. Невинную девочку из себя не строй, не тянем мы с тобой на них. Людям помогай. Иначе нас поодиночке выпечят и...

– Дружил волк с овцой!

– Дешево ценишь себя.

Лазарь забрал карточку и спросил:

– А ты держишь себя за волка?

Где-то в Северной Индии, передовая оперативная база ЦРУ

3 февраля 2015 года

«Ми-171», окрашенный в гражданские красно-белые цвета, заходил на посадку на небольшой площадке в горах. Лопасты рвали сухой холодный воздух.

Это была Северная Индия, район, населенный преимущественно мусульманами. По раздлу 1947–1949 годов он должен был перейти к Пакистану. Но этого не произошло, и с тех пор здесь тлела гражданская война. Она то почти заканчивалась, то вспыхивала вновь зловещим, кроваво-алым пламенем костра. Об этой войне в большом мире никто не знал и не хотел знать.

Фанатики-экстремисты устанавливали мины на дорогах и посылали своих детей в военные лагеря. Индийские спецназовцы проводили рейды в лесах и зачистки в населенных пунктах. Террористов часто расстреливали на месте.

Индия и Пакистан теперь были ядерными державами. Поэтому открытый конфликт мог стать последним для них и для всего региона. На смену открытому противостоянию, вылившемуся в три кровавые схватки, пришла холодная война.

Пакистан закрывал глаза на лагерь сепаратистов, устроенные на его территории, тайно поддерживал террористов, в том числе и таких, которые устроили расстрел в Мумбаи. Индия перешла на сторону США и прилично вкладывалась в поддержание прозападного правительства в Афганистане. В тамошнем министерстве обороны сидели советники, прибывшие из Дели, а индийский спецназ – «Черные коты» – тайно воевал в горах.

Совсем недавно здесь появилась и постоянная военная база ЦРУ. Она находилась рядом с большим аэродромом, официально принадлежащим Индии. На самом деле им тоже пользовалось ЦРУ. Именно отсюда стартовали теперь беспилотники-дроны, сеющие смерть в пакистанских и афганских горах. Сотрудники ЦРУ появились здесь после того, как Пакистан потребовал закрыть базу в Шамси. У США больше не оставалось активов в этой стране.

Единственного пассажира русского вертолета встречали несколько человек. Все они были одеты как индийские спецназовцы – черная шапочка, похожая на афганский паколь, лицо замотано камуфлированной тканью, довольно плотно сидящий, но удобный костюм, теплая куртка поверх него. У всех автоматы Калашникова, но среди встречающих не было ни одного индийца.

– Добро пожаловать, сэр! – сказал один из встречающих, единственный, который носил при себе пистолет, а не автомат. – Я Майк Мартин, начальник станции. Прошу за мной.

– Благодарю.

Гость был одет в западном стиле, несколько теплее, чем следовало бы для местной погоды. Несмотря на пронизывающий ветер с гор, особого мороза не было, температура держалась чуть ниже нуля по Цельсию.

Грузовик и микроавтобус, оба бронированные, были припаркованы на самом краю площадки. Взлетная полоса, по длине подходившая даже для стратегического бомбардировщика, сияла почти первозданной белизной под нестерпимо яркими лучами горного солнца. Вдалеке, за километрами колючей проволоки, вышками и рвами, виднелось какое-то движение, но полетов не было.

– Нет летных операций, – заметил гость, садясь в микроавтобус.

– Днем они не проводятся, сэр, – ответил Мартин. – Мы не рискуем. Сейчас каждый проклятый ублюдок, увидевший что-то необычное, торопиться выложить это в Интернет. Мы планируем работу так, чтобы и взлеты, и посадки были ночью.

– Ясно.

На базе они свернули на территорию, отделенную быстровозводимым заграждением и охраняемую парнями в индийской форме, но явно не индусами. Все они предъявили идентификаторы личности. Двое охранников обошли машины. У каждого колеса они подсовывали под днище зеркало, дабы увидеть мину. Безопасность была здесь поставлена серьезно. Все ангары вдали закрыты. На улице девственная чистота и ни одного транспортного средства.

Машины замерли под навесом у двухэтажного здания. Внутри оно походило на офис не слишком богатой компании, занимающейся, скажем, консультациями в сфере инжиниринга. Стол, стулья, большая доска с магнитами, кофейный аппарат в углу. Через жалюзи пробивались лучи солнца.

– Кофе?..

– Неплохо бы.

Мартин бросил в аппарат две кофейные капсулы.

– Здесь хороший чай. Я даже никак не могу к нему привыкнуть. Настоящий высокогорный. Не то дерьмо в пакетиках!..

Гость устроился за столом. Вещей при нем почти не было, только небольшая сумочка, которую носят на ремне через плечо. Он огляделся. Офис как офис. Вот только на доске вместо перечня клиентов красуются фотографии с БПЛА и названия военных группировок, состоящие из двух или трех букв.

– Что нового слышно в Вашингтоне? – поинтересовался Мартин.

– Ничего особенного. Все как всегда.

Начальник станции понял, что гость не расположен к беседе.

– Нам не сообщили ваше задание, сэр.

– Это и не нужно. Все, что мне требуется, – это поддержка.

Кофе мерно капал в чашки. Этот звук почему-то вызывал раздражение у визитера.

– Какого рода поддержка?

– Первое – перебросить меня через границу.

– Нелегально?

– Полулегально. Такси до Пешавара меня устроит. Дальше – не ваше дело.

Мартин подавил раздражение. Этот гусь, невесть что возомнивший о себе, лезет в Пакистан нелегально. Если он оттуда не вернется, то это будут его личные проблемы.

– Полагаю, это можно устроить. У меня есть пара знакомых на границе. Что дальше?

– Дальше – вот этот человек. Мне нужны зацепки на него. Любые, какие есть.

На экране коммуникатора, который гость передал Мартину, красовалась мрачная бородастая рожа. Начальник станции наскоро просмотрел информацию – чеченец по национальности, оперативный псевдоним AQ-Crusader, в джихаде с две тысячи первого года, если считать только местные дела. Еще он воевал против русских. Значит, за ним больше двадцати лет боев, и он все еще жив. Очень даже солидно.

Этот субъект предположительно был уничтожен в 2010 году вместе с Тахиром Юлдашем, амиром Исламского движения Узбекистана. Однако в одиннадцатом он всплыл в Сирии, командовал там бандформированиями, в которых воевали преимущественно жители СНГ. Был тяжело ранен, но выжил.

Список терактов, в которых принимал участие сей тип, такой же длинный, как хобот мамонта. Просто удивительно, что он еще в деле. В настоящее время предположительно находится в Северном Вазиристане, где взял себе жену. Разыскивается полицией Пакистана за организацию взрыва в Пешаваре.

– На этого парня должно быть больше в Пешаваре, в тамошнем консульстве.

– Я знаю, – раздраженно сказал гость. – Но теперь у нас проблема с обменом сведениями. Нам известно, что индусы получают информацию напрямую из Афганистана. Она самая свежая. Если бы вы заглянули в нее...

Мартин действительно мог это сделать, вот только почему-то не хотел оказывать такую дружескую услугу. Наглый тон гостя наводил его на совсем другие мысли. Например, выбросить мистера за дверь.

Кофейные чашки уже были полны.

– Сделаю все, что смогу, – сухо сказал Мартин, передавая гостю его чашку.

Тот улыбнулся.

– Не принимайте на свой счет. Я тот еще сукин сын, но для меня команда – не пустой звук. Сделаете – отпуск на месяц у вас в кармане.

Эта попытка подкупа только еще больше разозлила Мартина.

– Сделаю все возможное, – сухо повторил он.

– Еще мне нужен комплект местной одежды. Хорошо бы поменять деньги.

– Сколько?

– Для начала пятьдесят штук.

– Вам могут перерезать горло по дороге и за десятую часть этой суммы.

Гость неприятно улыбнулся.

– Не перережут.

Мартин кивнул.

– Устроим. Еще что?

– Я укажу вам квадрат. Мне нужно дежурство БПЛА над этим районом. Круглосуточное.

– Боюсь, это не так просто сделать. Ресурсов не хватает.

– Посмотрите свою почту. Там вы найдете приказ. Один из дьяволов будет работать на меня и ни на кого больше.

Мартин с трудом скрыл удивление. Дьяволом они называли RQ-170, разведывательный БПЛА, который был невидим для радаров. Его использовали для отслеживания Усамы бен Ладена, с тех пор птичка и получила такое прозвище.

– Допустим.

– Не надо никаких допусков. Это операция высшего приоритета. Она на контроле у директора. Послезавтра здесь появится спецотряд, двадцать четыре человека. Вы должны будете принять и разместить их. Как тогда. Понимаете?

Мартин кивнул. Он уже начал понимать. «Тогда» – это начало две тысячи одиннадцатого года, когда именно здесь, а не в Баграме по секретной договоренности правительств США и Индии была размещена та самая группа, которая в ночь на второе мая совершила рейд в Абботабад и ликвидировала Усаму бен Ладена.

Эта информация была засекречена до сих пор. Ее обнаружение могло привести к войне между Индией и Пакистаном, но догадаться было просто. Достаточно посмотреть на карту. Для того чтобы добраться до Абботабада, необходимо лететь через всю страну, над крупными городами, если ты отправляешься из Афганистана. Или около пяти минут над малолюдными горами, покрытыми лесом, если ты стартуешь из Индии.

Мэтт Биссонетт, написавший книгу об этой операции, проговорился, сам того не желая. После того как один из вертолетов десантной группы потерпел аварию, за ними прилетел «Чинук», медленная и тяжелая птичка, которую никак не скрыть от радаров. Как он перескочил через весь Пакистан, не подняв тревоги и не оказавшись сбитым? Даже сопоставление времени дает ответ. «Чинук» просто не мог успеть, если бы летел от афганской границы. Но он двигался от индийской и добрался до цели всего за несколько минут. Вот и весь ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.